

ЕКАТЕРИНА ЯНЫК

ВСЕ ВКЛЮЧЕНО. ВЫБИРАЕШЬ ТЫ

РОМАН ОБ ИНОСТРАНКАХ В ТУРЦИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Янык

Все включено. Выбираешь ты

«Автор»

2024

Янык Е.

Все включено. Выбираешь ты / Е. Янык — «Автор», 2024

Несмотря на его беззаботную атмосферу, для эмигрантов курортный турецкий город Кемер – часть чужой страны с незнакомой культурой. Здесь – свои законы и правила, многие из которых иностранцам принять сложно, зато нарушить – проще простого. Прижиться в этом городе сможет не каждый. Здесь у всех свои секреты и желания. Шутница Лиза живет одним днем, стараясь собрать всю доступную радость на работе и с подругами, но сторонится мужчин. Юная Нилюфер бежит от одиночества в красивую любовь с турком. Одну за другой. Мудрая Сунгюль, спасаясь от нищеты и насилия в семье, стремится заработать денег ради лучшего будущего детей. Жизнь даст девушкам гораздо больше того, о чем они мечтали, если они смогут выбрать себя и счастье, а не свои страхи.

© Янык Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Екатерина Янык

Все включено. Выбираешь ты

Несмотря на его беззаботную атмосферу, для эмигрантов курортный турецкий город Кемер – часть чужой страны с незнакомой культурой. Здесь – свои законы и правила, многие из которых иностранцам принять сложно, зато нарушить – проще простого. Прижиться в этом городе сможет не каждый.

Здесь у всех свои секреты и желания. Шутница Лиза живет одним днем, стараясь собрать всю доступную радость на работе и с подругами, но сторонится мужчин. Юная Нилюфер бежит от одиночества в красивую любовь с турком. Одну за другой. Мудрая Сунгюль, спасаясь от нищеты и насилия в семье, стремится заработать денег ради лучшего будущего детей.

Жизнь даст девушкам гораздо больше того, о чем они мечтали, если они смогут выбрать себя и счастье, а не свои страхи.

Екатерина Янык «Все включено. Выбираешь ты»©

При перепечатке любого фрагмента текста ссылка на автора обязательна.

2024

Автор: Екатерина Янык
ekaterina_yanik@mail.ru
инстаграмм: @ekaterina_yanik
vk.com/e_yanik
t.me/ekaterina_yanik7

Не все персонажи и события вымышлены.

Не все совпадения случайны.

Глава 1

5:02.

Глубокий голос имама¹ провозгласил о начале нового, хранимого Аллахом, дня. Следом, как по команде – резкий крик петуха и вой семьи соседских псов, тут же получивших нагоняй от истеричной кошки.

– Когда прогреется море, я буду благодарна вам за столь ранний подъем. А сейчас дайте мне поспать, неумные, я же прилегла лишь пару часов назад! – пробормотала Лиза, накрывая голову подушкой. Еще так много минут до начала рабочего дня.

С утра облака, облачившись в грязно-серые плащи, вновь шумно выясняли отношения с невозмутимыми горами. Посадили в темницу майское солнце. То и дело выбрасывали на пальмы морозящий десант. Море шипело на обидчиков, выставив перед собой заслон из яростных волн, объединившись с туристами в протесте задержки полноценного летнего сезона. 19 мая, а гости отелей Кемера все еще коротали время не на обжигаемых солнцем пляжах, а в барах и крытых бассейнах.

Это было на руку сотрудникам Бутикового рая. Так управляющий пятизвездочным отелем Deniz Luxury Resort&Spa шутливо называл коридор с расположенным в нем десятком магазинов. Другого пути в центральный ресторан отеля кроме как через Бутиковый рай не было. Вольно или невольно шесть раз в день полторы тысячи взглядов падали на пеструю, заставленную безделушками витрину бутика сувениров, на сдержанно-аристократичные манекены за стеклом магазина кожи, на горы рахат-локума и связки чурчеллы в маркете², на видные сквозь огромное стекло образцы постельного белья, штор и другого текстиля в бутике, где работала Лиза.

Туристы вяло бродили по Бутиковому раю, спасаясь от тоски непрекращающихся ливней, давая торговцам шанс на жирные продажи.

– Девушка, и почему я в вас такой влюбленный? – проканючил Саша, владелец текстильного бутика и в этом сезоне – патрон³ Лизы, пышнотелой даме бальзаковского возраста, спешащей закусить скуку истекающей сиропом пахлавой в снэк-баре возле бассейна.

Длинные ресницы Саши, по паспорту Исрафила, скрыли промелькнувшую в глазах лукавинку. Бросив на него презрительный взгляд, матерая туристка прибавила шаг.

– Не буду я ваши безделушки в втридорога покупать, даже не старайтесь! – сквозь зубы процедила она. – Я за шубой приехала, а не за бездарной подделкой под бамбуковые полотенца.

– Вы разбили мне сердце, знайте!

Саша в отчаянии прижал к груди пухлые пальцы, но тут же утешился, заметив новую жертву.

– О ангелоликая красавица! Тогда ты полотенце купи, у тебя улыбка добрая.

Белокурая девушка застенчиво улыбнулась и, не ответив, поспешила к ресторану, крепко сжимая ладошку малыша в матросской форме.

– До чего странные туристки приезжают в мае, совершенно не клюют ни на мое обаяние, ни на новую рубашку капкан-для-красоток, – посетовал толстопуз Саша, опускаясь на табуретку около стола для упаковки товара. Редкие пучки пуха на затылке – для связи с космосом, как важно объяснял он миловидным туристкам, повисли. – Не пойму я вас, баб, Лизунка. То вам цветы-цветы подавай, а вырядишься в рубашку с цветами, как обгаженная голубями поляна, – даже не взглянете.

¹ Предводитель молитвы и духовное лицо, которое заведует мечетью.

² Магазин (тур.).

³ Руководитель (тур.).

– Все верно, директрюня. Кому интересно смотреть на «обгаженное голубями» поле конопли? Выбрал бы розы – стал бы привлекательнее.

– Сама ты конопля, Лизун, – обиделся за новую, стоившую ему двух часов мучительного выбора рубашку златозубый патрон. – Это – цветок из райского сада. Многообещающая у меня одежда. И вообще, не были бы вы, бабы, такими привередливыми, давно бы все замуж повыскакивали.

– Я не тороплюсь, – пробормотала Лиза, поглощенная создаваемыми из штор замками. Даже рассыпавшиеся по плечам огненные локоны, при малейшем движении головы закрывшие девушке обзор, не отвлекали ее от занятия. Но, услышав бурчание замка в соседнем магазине, Лиза тут же спрыгнула с короткой лесницы. – Патроша, я сбегая в сувенирный на минутку. Узнаю, почему он полдня стоял закрытый. Обещаю доложить тебе так подробно, как ни в одном криминальном отчете не пишут.

– Стой, Лизунка, стой! – обида мгновенно исчезла. – Собирать сплетни – это моя обязанность, забыла? Ох уж эти бабы, зачем я только связался с ней, – всплеснул руками Саша, поняв, что помощницу не вернуть. – Аллах свидетель, поседею я за сезон с этой девйцей. То ее кавалеры в магазин ломаются, отгоняй их словно мух от еще дымящейся кучки. То ее подруга кренделя выписывает, а я им обеим соплю вытираю. Нет, Аллах, здоровым мне домой не уехать.

В полумраке сувенирного магазина, среди витрин с магнитами, брелками и назарами⁴, замерла Нилюфер. Неестественно выпрямилась, взгляд воткнут в стену. В керамическое панно с первой сурой⁵ Корана, восхваляющей Аллаха. Губы торопливо шевелятся, словно боясь не успеть за всхлипами сердца.

Лиза машинально прижала ладонь к груди, туда, где тонкой джинсой сарафана было скрыто ажурное распятие – прошлогодний подарок родителей перед первым отъездом их сокровища в Турцию.

С юной Нилюфер девушка познакомилась две недели назад. Русская и турецкая казашка⁶, волна и огонь, яркое солнце даже сквозь тучи и беспросветная мгла, рассудительность и порывистость. В других обстоятельствах у девушек не было ни малейшего шанса стать друг другу кем-то большим, чем пара знакомых. Но курорт, фантазер и затейник, диктует свои правила, сталкивая противоположности, уравнивая минусы, дополняя плюсы и тем самым облегчая жизни.

– Нилюфер? Что случилось, дорогая?

– Аллах прилепнул твои подозрения в адрес моего любимого, косматая, – в голос Нилюфер вкралось торжество. – Ты, мнительная рыжая кулема, слишком часто включаешь мозги и слишком редко идешь на поводу у сердца. Как ты собираешься быть счастливой с реальным мужчиной, а не с плюшевым крокодилом, с которым ты спишь?

В первые дни своеобразная манера выражения симпатии новой знакомой вынуждала Лизу сторониться своей соседки по Бутиковому раю. Но ворчливый шарик была не из тех людей, кого можно игнорировать без их на то разрешения, поэтому она все бесклиентные минуты проводила в текстильном, прямоотой и естественностью высказываний доводя Сашу до нервного тика. Крепкая дружба и яркая любовь зачастую рождаются от скуки. Кажется, коротаешь время в болтовне, но незаметно для себя открываешь в гравии бриллиант и сам становишься им же.

⁴ Амулет от сглаза. Синяя/черная точка на синем стеклянном поле, наложенная на белый или желтый центр (так называемый «глаз»).

⁵ Глава Корана.

⁶ Месхетинка. Турки-месхетинцы – исконные жители Месхетии, области на южной и юго-западной территории современной Грузии (на границе с Турцией). В 1944 году в целях улучшения условий охраны границы СССР были выселены в [Казахстан](#), [Киргизию](#) и [Узбекистан](#).

– Неужели гарсон⁷ объявился?

– Здрасьте, баба Настя! Во-первых, не пропал он, а был занят на работе, как я тебе и объясняла. Туристы же в его кафе реками текут, как на концерт мировой звезды. Во-вторых, гарсоны – не мой уровень, сколько раз повторять, косматая? Мой любимый – совладелец кафе. Напряги остатки мозгов и ради Аллаха запомни это.

– Все они на курорте... совладельцы, – пробормотала Лиза. – А ты, если долго не видишься со своим гарсоном, становишься капризной тучкой. Красивое явление природы, но близко подходить опасно. Шибанет молнией так, что имя мамы забудешь. А сейчас сияешь словно нагеленные волосы турка под солнцем. Признавайся, снова звонила ему?

Из взгляда Нилюфер выпрыгнули шаловливые зайчики поглядеть на любопытную подругу хозяйки.

– Завари чай, косматая, а я пока витрины выставлю к магазину. Туристки ни пить, ни есть не могут, если в коридоре Бутикового рая нет стоек с брелками и магнитами, так думает Ахмет. Не повезло нам с тобой с патронами. Моего того и гляди Кондратий хватит из-за какой-нибудь мелочи, твой вообще как будто из дурдома сбежал.

Лиза хмыкнула. Работать с неунывающим Сашей ей нравилось. Порой весь Бутиковый рай сбегался послушать их болтовню или поглядеть на их причуды, поднимавшие настроение. Первое правило торговли: «на губах улыбка – в кошельке денежка». Туристам приятнее покупать у веселых продавцов. В текстильном веселье, чудачеств и сладостей, принесенных Саше гостями отеля из ресторана, было хоть отбавляй.

Получив долгожданный чай и цапнув квадратик дынного локума с фисташками, Нилюфер довольно засопела.

– Отвечаю на твой вопрос, косматая. Перед открытием магазина я заскочила на базар, хотела купить свежих фруктов для своей красоты. Прохожу по базарной вонии мимо лотка с рыбой, смотрю, продавец леща потрошит. Кровавые кишки во все стороны разлетаются, рыба голова на асфальте жужжащими мухами облеплена. Отгадай, косматая, для кого потрошили несчастного леща? Для моего любимого!

Лиза вздрогнула. Замершая было недолюбовная история вспыхнула с новой силой, грозя сжечь дотла девичье спокойствие. Крах иллюзий пережить сложно. Пожалуй, пора собирать у туристов валерьянку.

– Заметил меня, аж в лице изменился от радости. При всех объять, конечно, не посмел, воспитанный же мужчина, но тут же пригласил меня на завтрак. Говорила я тебе, рыжая, он от меня без ума, просто занят на работе. Ты можешь не верить в любовь турков и коротать дни в одиночестве, а я – другая. И в жизни у меня все будет по-другому, ясно тебе? Мой ненаглядный крепко сидит на крючке. Уж я-то знаю, как надо обращаться с мужчинами. Глянь, на мне сейчас ни одного миллиметра нецелованного нет, но и заветного любимого пока не получил. С какой страстью он на меня накинулся! Я уверена, совсем скоро он сделает мне предложение.

Лиза задумчиво накручивала на палец огненный локон. «Крепкий крючок» больше походил на пробитые равнодушием сети. Гарсон не звонил и не приглашал на свидания наряженную в розовые очки Нилюфер. Но той, привыкшей к поддерживаемой поколениями системе сватовства и не избалованной опытом отношений с мужчинами, это не казалось странным.

А может и правда Лиза слишком цинична? Может, этот гарсон и правда много работает? Может, Нилюфер ему и правда интересна, а туристки – нет? Может, Лиза и правда смотрит на их отношения не с той колокольни? Все трое принадлежали разным культурам и понять друг друга порой было непросто.

Но прошлый сезон работы в отеле не прошел для Лизы даром: про представителей курортных турков она узнала немало. Обожглась до головешки и в этом году для девушки

⁷ Официант (тур.).

курорт стал веселым монастырем. Снова и снова указывая Нилюфер на странности в поведении гарсона, кого она пыталась спасти на самом деле: подругу или себя-до-трагедии?

– Милая, тебе не нужен мужчина, чтобы почувствовать себя живой. Тем более в Кемере. Курортники – это особая часть человечества. Эти люди сводят с ума. Говорят одно, подразумевают другое. Спонтанно придумывают свою биографию, эмоции, мысли, перевирают услышанное. В каждом из них живет директор мини-фабрики по производству лапши. Чем больше производство – тем успешнее директор.

– Мама меня рожала не за тем, чтобы я слушала проповеди монашки, – Нилюфер отправила в рот очередной ломтик лукума. – Я любить хочу, косматая, и ты мне не указ. Скачала сама замуж выйди, потом меня жизни учи. Мой ненаглядный обожает меня, ясно тебе?

Возможно. Но интуиция – сводная сестра Лизы – редко подводила девушку и сейчас шептала охрипшее: «Броня – в щепки, душа – в клочья. Быть беде, быть».

*

За пределами отеля сгустились сумерки, темно-серые, пронизанные мелкими мокрыми бисеринами, какие бывают только после вымотанной борьбой с небесами дня. Deniz Luxury Resort&Spa преобразился от вспыхнувших в нем тысяч теплых ламп. Туристки засуетились в номерах, готовясь к ужину, доставая из шкафов платья, макияжем создавая счастье в глазах, покрикивая на супруга в тщетной просьбе отлипнуть-таки от телефона и сменить шорты на нечто более приличное.

Из ресторана доносился звон расставляемых по столам бокалов и стук ведерок с бутылками вина во льду. Готовая ко встрече туристов, Лиза вернулась с ужина. Персоналу отеля вход в ресторан для гостей был категорически воспрещен. Сотрудники питались в ресторане для персонала. Так руководство отеля гордо именовало 50 квадратных метров в подвале отеля, заставленных прямоугольными столами на шесть персон. По обилию и разнообразию еды эта столовая была падчерицей шикарной мачехи.

Сегодня в меню: мучной суп-пюре, фаршированный рисом и специями баклажан и прославленный турецкий плов, изюминка приготовления которого – сливочное масло, добавленное в воду при варке. На десерт – апельсин свежего урожая, умудрившийся созреть под беснующимися ливнями. Еще один Лиза предусмотрительно захватила с собой в текстильный и теперь задумчиво отправляла в рот по дольке.

На взрывной аромат цитруса со стащенного из маркета надувного матраса сполз Саша, протирая заспанные глаза. Его бежевые льняные брюки помялись, но конопля на рубашке скрыла последствия нерабочего настроения.

– За работу, Лизун, туристы уже все пороги оббили, пока ты толстеешь, – буркнул патрон и, чтобы подать пример нерадивой помощнице, поплелся в коридор, почесывая надутое брюшко. – Девушка, у вас упало, – брякнул на ее беду направлявшейся в ресторан туристке.

– Что упало? – обернувшись, подтянутая блондинка в белоснежных шортах, едва прикрывавших ее нижнее белье, но не увядающую кожу, сощурилась от яркого света витрин.

– Цена на текстиль упала... А, это опять вы? Что-то задержались вы в Турции, правительство уже должно выплачивать вам пенсию как почетному туристу.

Блондинка хихикнула, неплотно прикрыв ладонью рот.

– До чего очаровательный у вас смех, мадам, – казалось, искренне восхитился Саша. Годами оттачиваемый профессионализм. – Вам зять не нужен?

– Уже есть, – почему-то смутилась туристка.

– Вот так новости! Вы в холодильнике, что ли, живете? Лизунка, как думаешь, сколько лет этой красавице?

– 36 максимум, – включилась в игру Лиза, добавив мысленно: и лет 15 опыта. Метко сказал однажды Ахмет: истинно верующим работа в торговле противопоказана.

– Ой, скажете тоже. 48 мне. Давайте посмотрим ваш текстиль.

Покрепче схватив локоток добровольной жертвы – первой за сегодняшний день – Саша направился ко входу в магазин, намереваясь всеми неправдами и комплиментами закрыть на ней дневную кассу, но остановился, уставясь в начало коридора Бутикового рая, где располагался магазин меха и кожи.

Оттуда, под аккомпанемент изумленной тишины коллег Лизы, маршировала толпа туристов под предводительством сияющего Ибрагима, представителя кожаного центра Deniz Luxury Resort&Spa, густообразные усы которого сводили с ума дам за сорок.

– Самый цвет клиентов выбрал, поганец, – прошипел Саша. – Сейчас набьет ими пару долмушей⁸, подкрутит свои усища и пойдет заказывать из городского ресторана двойной кебаб, а мы в местной столовой пустые макароны ешь. Гнусный ты ахыска⁹, Ибрагим, и продажи у тебя гнусные, а еще земляк называешься, – вспомнив о еде, окончательно расстроился он. – Дождешься ты еще от меня братской скидки, как же. И на сегодняшние вареники тебя не позову, ешь свои кебабы.

– Сегодня будут вареники? – встрепенулась Лиза. – Как же я соскучилась по человеческой еде!

– Так вы еще и готовите? Какой вы разносторонне талантливый мужчина, – во взгляде присоединившейся к беседе блондинки мелькнул вовсе не клиентский интерес. Саша его заметил.

– Конечно, мэм, я профессиональный повар. Три недели давал Лизунке мастер классы по вареникам, сегодн у нее итоговый экзамен. В вас, кстати, я чувствую превосходную хозяйку. Еще и красавица. Вы – редкая женщина, – обронил Саша и, смутившись своей откровенности, прижался губами к женской ладони в восхищенном поцелуе. Лиза успела заметить хитринку в возникшей и тут же непринужденно потушенной улыбке патрона. – Лизун, сегодня отпускаю тебя и Нилюфер пораньше, налепите настоящих вареников, как дома, в Казахстане. Ахмет принесет продукты. Согласна? – подмигнул Саша, вновь подталкивая блондинку к магазину.

Его рыжеволосая помощница, которой за три недели сезона уже поднадоело просиживание в магазине с 9.00 до 22.00 и без выходных, вареники не готовила ни разу в жизни. Но этот нюанс не показался ей проблемой: в интернете десятки рецептов.

– Еще как согласна, директруня. Кемер вздрогнет от наших вареников.

В тот момент она и представить себе не могла, насколько пророческими окажутся ее слова.

*

– Здравсьте, баба Настя! Хватило же кому-то наглости в мерзкую погоду стащить лампочку из дворового фонаря! О, Аллах, оторви руки этому разбойнику!

Две женские фигурки в легких плащах с накинутыми на голову капюшонами пробирались по размокшей дорожке к двухэтажному дому, левой грани квадрата, составленного из зданий-близнецов. Они выглядели нелюбимыми родственниками рядом со сверкающими миллионами огней красавцами-отелями. Дневной дождь оставил свое приветствие на крупных листьях апельсиновых деревьев, украшавших внутреннее пространство квадрата. Аромат созревших плодов рождал в сердце ожидание волшебства, а ветки, которые давно не мешало бы подстричь, прикасались к волосам девушек, когда дразня, когда раздражая. Лениво сползающая с гор тишина обволакивала двор. Как будто не было всего в нескольких стах метрах шумных отелей и разгульных туристов.

⁸ Маленький автобус.

⁹ Самоназвание турков-месхетинцев.

– Нам ли жаловаться, Ниля, – примирительно пропыхтела изящная фигурка на полторы головы выше своей подруги, по мокрым ступенькам взбираясь на украшенное кадкой с кактусом крыльцо нужного дома. – Живем как у Христа за пазухой, весь сезон спелые фрукты с деревьев, только руку протяни. Через дорогу – море, работа – в десяти минутах неспешным шагом. Кожники, например, аж с Асланбуджака¹⁰ до отеля добираются, вечерами ни моря, ни магазинов не видят. У нас же – оплачиваемый работодателями ложман¹¹ почти в сердце Кемера...

– Плоховато у тебя с анатомией, кулема. Там, где мы, не сердце, а почка. Мы живем в почке Кемера. Аййй! Ты посмотри, посмотри, тебе говорю, косматая, что ваша кошка опять натворила. Дохлую мышь приволокла под дверь! Как стоворились все сегодня, выводят меня из состояния благодати. Из-за них даже очутиться там не могу.

– Она Саше каждый день подарки носит, – рассмеялась Лиза, спихнув мышь с крыльца и пытаясь попасть ключом в замочную скважину. – Он ее за это бисквитом подкармливает. Такая вот у них любовь.

Лиза подсветила замочную скважину экраном телефона, вставила ключ, распахнула деревянную, неумело выкрашенную зеленой краской дверь. Пока рука шарилась по стене в поисках выключателя, квадрат дисплея кусками выхватывал из темноты нехитрое убранство комнаты. Судя по расположению и обстановке, она служила жильцам и гостиной, и кухней. Высокий холодильник, явно не для одного хозяина. Вычищенный до блеска кухонный гарнитур. Диван с потертым пледом в некогда красно-оранжевую клетку. Дешевая картина с изображением мечети аль-Харам¹². Лестница на второй этаж.

– Есть!

Яркий свет залил просторную комнату, обнажив скрываемые темнотой плотно подогнанные доски пола с облупившейся краской, бежевую штукатурку на стенах и фиолетово-рыжие, не добавлявшие уюта, но придающие обстановке пикантности шторы на широкой балконной двери.

– Да вы как баре живете.

– Ребята здесь уже пять лет хозяйничают. Обустроились. У нас и стиральная машина есть, и даже слабенький интернет. Тебе между прочим тоже предлагали расположиться в этом доме, с комфортом.

– Чтобы я, ахыска, с четырьмя мужчинами жила? Не бывает этому. Только ты, русская кулема, на такое способна. Я предпочитаю жить без интернета и прочих достижений цивилизации, но в женском общежитии.

Дело не в национальности, а в темпераменте. Лизе было уютнее в обществе мужчин-«братьев», с которыми она делила не только жилплощадь и рабочие минуты, но и свои проблемы, чем в компании малознакомых эмоциональных девушек. Поэтому Лиза ничуть не жалела о своем выборе. Неважно, что об этом за ее спиной шепчут местные сплетники. Лиза любила свою запеленутую в обои с ромбами комнатку, в которой хватило места лишь для кровати и узкого платяного шкафа, и не променяла бы ее ни на один танцпол, если бы его пришлось делить с Нилюфер. Кроме того, окна комнаты выходили во двор и бодрящий апельсиновый аромат был неизменным спутником каждого вдоха девушки.

Капризная Нилюфер занимала комнату в правой грани квадрата. Ее соседками не посчастливилось стать массажисткам-тайкам. На их удачу они не понимали ни турецкого, ни

¹⁰ Негуристический район Кемера.

¹¹ Общежитие (тур.).

¹² Главная и крупнейшая в мире мечеть, во внутреннем дворе которой находится главная святыня ислама – Кааба. Расположена в Мекке, в Саудовской Аравии.

русского, поэтому вечное ворчание Нилюфер казалось им непрерывным выражением симпатии миру.

– Так, кулема, до прихода мужчин полтора часа. Ты делаешь тесто, я – начинку, – затягивая на могучей шейке бретельки передника с веселыми гусями, заявила Нилюфер. – И работай *молча*, кулема, слышишь, на молитву зовут.

Наперегонки с резвящимся майским ветром в распахнутую балконную дверь ворвались звуки азана¹³, дополняемые восторженным писком комаров, почуявших свой ужин.

– Да простит меня Аллах, но у турков все не как у людей. Вот зачем им, с их уличным зоопарком, балконные проемы полутораметровой ширины? Чтоб насекомые как на бал сбегались? – едва затихли звуки азана, пропыхтела Нилюфер.

– Чтобы после сытных ужинов легче было в дом заходить. Не боком, как ты.

– Это меня от отельной еды разнесло. Питаемся, конечно, регулярно, но, положила руку на сердце, макароны, рис, курица и хлеб, разве это пища? Мяса, мяса требует мой организм, тогда и вес придет в нор... Здраааайте, баба Настя! – прервавшись на полуслове, Нилюфер изумленно уставилась в миску, где Лиза старательно замешивала тесто. – Доболталась, косматая. Это что за помой вместо камня?

– У меня все под контролем, – фанфарами звучавшая в начале фразы уверенность, к концу увядшей лозой рухнула в растекающееся под пальцами тесто. Поглядев на опустевший пакет из-под муки, Лиза чувствовала, что близка к панике. – Надо у соседей муку поспрашивать. Срочно.

Она сама не верила в полезность предложения. В Жемчужном квадрате, как после одной из шуток Саши окрестили четыре дома с апельсиновым садом сами жильцы, жили иностранцы – сотрудники Deniz Luxury Resort&Spa, которые питались в отеле. Лишь около верхней грани квадрата, дома «буржуев» массажистов, то и дело останавливались расписанные рекламой мотоциклы курьеров из городских ресторанов. Для большинства же жильцов, приехавших на заработки из деревень и некрупных городов, оставивших там престарелых родителей, жену и несколько малышей, каждая лира¹⁴ имела значение. Конечно, они, как и франтоватые массажисты, гуляли с туристками, но старались на них не тратить.

Шанс на то, что удастся раздобыть муку у соседей, был близок к нулю, о чем не преминула проворчать Нилюфер.

– Совсем спятила, рыжая? Еще милостыню я не собирала!

– Если попробуешь сделать невозможное, это либо получится, либо нет. Если даже не попытаешься, то вариант останется только один, и он меня не устраивает! – Лиза решительно зашагала к двери, уверенная, что подруга не бросит ее. Фыркнув, коренастая Нилюфер маленькими, но на удивление сильными ладошками швырнула фартук на засыпанный ошметками муки стол.

Уставший за рабочую смену дождь отправился на заслуженный отдых. Во влажном воздухе сладко пахло зреющими апельсинами, а с появлением в саду Нилюфер к цитрусовым аккордам добавились ноты гортензий. Проснувшиеся цикады внесли в вечер оттенок романтики. Город располагал к неспешным прогулкам вдвоем. Неудивительно, что в четырех домах всего одно окно светилось приглашающим светом. Окно массажиста. Подруги обреченно вздохнули. Похоже, Аллах сегодня занят другими делами, до их забот ему и дела нет. Мука – у массажиста? Легче поверить, что они смогут добыть ее в космическом корабле пришельца. Но других вариантов не было, и подруги сквозь неухоженный сад потрусили к огоньку.

– Пожалуйста, Али, выручай нас! – затараторили они, едва хозяин отворил дверь. – Всего лишь горстку муки!

¹³ Призыв к всеобщей молитве мусульман.

¹⁴ Денежная единица Турции.

Али ошарашено глядел на ночных гостей.

– Шутите? Сигарету могу одолжить. Больше ничем не помогу.

Не на тех напал. Нилюфер была торгашкой от Бога, умела запудрить мозги не хуже цыганки и внушить любому человеку веру в его способности, о которых тот и понятия не имел. Уже через пару минут Али, «предприимчивый», «сообразительный» и «галантный», резво крутил педали велосипеда в сторону супермаркета, а девушки потрусилы домой.

Магазин был в полукилометре от ложманов, поэтому запыхавшийся Али вернулся быстро. Влажная на спине футболка стала красноречивым доказательством недавно открытой в нем галантности.

– Едва успел! Охранник в магазине уже готовился запирать двери, еле уговорил его впустить меня. Вот ваша мука, девчонки, вот сдача с вашей сотни. Благодарностей не надо.

– И не дожدهшься, дорожку какую муку приволок, – Нилюфер привередливо рассмотрела переданный ей бумажный пакет с напечатанными колосками. – Ладно, спасибо тебе, выручил.

Не прошло и получаса, как на старом столе, кое-где опаленном пламенем зажигалки, а местами с вырезанными ножом значками доллара и сердец, расположилась гвардия вареников-новобранцев. Отступив на шаг, Лиза с гордостью разглядывала своих подопечных.

– Ниля, ты только посмотри, каких красавцев я сотворила! Мои первые!

Но Нилюфер было не до любований искусством. Пыхтя и едва не смахнув пышным задом кастрюльку с остатками начинки, она протиснулась в дальний угол балкона, волоча маленькую канистру с газом. В Кемере приезжающие на сезон готовили на подобной импровизированной плите. И удобно, и дешево: одной канистры хватало на пару ужинов и полгода чаепитий.

Пару лет назад в этом доме пользовались достижением цивилизации – электрическим чайником, но после прихода счета за электроэнергию на Эверест лир Саша зацементировал розетки, а чайник сослал в подвал. Так в левой части Жемчужного квадрата началась Эра Газа. Эта история стала легендой дома. Старожилы с трепетом передавали ее ежегодно меняющимся новичкам как символ победы мудрости над пассивным принятием пощечин судьбы – именно так Саша воспринял тот злополучный счет.

Вареники сварились быстро. Когда орава голодных мужчин – и хозяева, и гости – ввалилась в дом, их ждал накрытый на балконе стол с тремя блюдами дымящейся вкуснотищи, украшенной веточками укропа, ручейками растопленного сливочного масла и забавными рожицами из апельсиновых долек.

– Как картинка из сна! – мужчины столпились вокруг стола, восхищенно разглядывая приготовленное. Такой – знакомый с детства – ужин переносил их за километры от Кемера. Дарил хоть и короткий, но отдых от эмиграции. – Налетаем! Сашку не ждем, он куда-то пропал и на звонки не отвечает. Наверное, выгуливает очередную фею.

Девять богатырей-месхетинцев, оттеснив девушек, расселись вокруг стола, потирая ладони в предвкушении счастья для желудка. Тяготы жизни на две страны отпечатались в их облике: в обтянутых кожей скулах; в грубой, заветренной коже рук, которым даже в лютый мороз приходилось колоть дрова или кормить скот; в вынужденно приветливом, но в глубине всегда настороженном взгляде, вдогонку к мыслям направленном в родной дом, к матери, сестрам, жене и детишкам.

Лишь один из них, дородный продавец кальянов Гасан, выделялся свисающими на спине складками и сально блестящими глазами. Лиза знала, что женился он не по любви, а за сосватанную родителями девушку из соседней деревни. И на заработки уехал не столько из-за нужды, сколько сбежал, спасаясь от рутины. Стиснув зубы и распустив кулаки, дотягивал до окончания зимы и первым же чартером улетал на волю.

– Хреновинки бы сейчас, – стирая куском хлеба остатки йогурта с пышных усов, басом доложил намечтанное Ахмет, патрон Нилюфер, владелец сувенирного магазина в Бутиковом

рае. – И не турецкого йогурта, а настоящую сметану. Местная безвкусица поперек горла встала. Ни к кому из Казахстана знакомые не едут?

Ответом ему стал дружный вздох. Из нормы багажа 20 килограмм у каждого из мужчин две трети было занято продуктами. Но привезенные из дома сигареты, майонез и колбаса давно стали неясным воспоминанием.

– Туристов мало сейчас, аби¹⁵, не у кого даже сигарет купить, – откликнулся Синан, юркий помощник бармена. Его живой взгляд порхал по лицам собравшихся, оглядывая их с редкой для подростков теплотой. Он, как и Лиза, был новичком в этом доме и впервые надолго покинул семью.

– Мне вчера шоколад российский подарили, – ухмыльнувшись, доложил Гасан и зачихнул в рот очередной вареник.

– Ну и подлюга же ты, Гасан. Мы с тобой всем, что есть, делимся, а ты продукты утаиваешь? Нехорошо это...

Ахмет, как самый старший из мужчин, имел право отчитывать провинившегося. Но Гасан был не из тех, для кого возраст – серьезный аргумент. «Я не из вашего дома, имею право не докладывать о добыче», – хвалились его крохотные, похожие на свиные глазки под нависшей крепостью век.

Взгляды остальных рассыпались по балкону. Общность и поддержка была неотъемлемой частью их культуры, но на душе у каждого темнели булыжники вранья и недоговаривания. Открытую книгу легко испачкать, порвать, надругаться, растащить по листкам. Хотя бы изредка обложка должна быть захлопнута, чтобы дать передышку пожелтевшим шероховатым страницам. Чтобы сохранить целостность души.

Хлопнула входная дверь и одиннадцать голов поднялись разом.

– Отказала фея..., – огорченно констатировал Ферхат, предлагающий туристам машины в аренду, безотчетным движением прижимая пальцы к дергавшемуся левому веку.

– Саше? Я в чудеса не верю, аби.

На пороге балкона возник Саша. Верхняя пуговка его рубашки была постоянно расстегнута, но в этот вечер к ней присоединились и две соседки.

Утолившие физический голод мужчины переглянулись и их тела непроизвольно подались вперед в ожидании занятого рассказа.

– Вот и я! Ох и влажно же сегодня! – Саша продемонстрировал в лукавой улыбке гармошку золотых зубов. – Опять льете слезы по безвременно покинувшей нас колбасе. Угадал? Я, конечно, не волшебник и даже не дед мороз, деликатесом побаловать не смогу, но сюрприз для вас приготовил. Знакомьтесь.

Из-за его спины, потупив взгляд, вышла смуглая дюймовочка-брюнетка с восточным разрезом глаз, в застиранной майке и не по размеру широких джинсах, затянутых на талии атласной лентой с распутившимися краями.

– Сульгюн, – нарушив правила приличия, первой представилась девушка.

От ее робкого шепота по коже Лизы пролетел рой мурашек.

– Сульгюн – новый парикмахер в отеле и наша новая сестра. Прошу любить и жаловать. Ахмет, Ферхат и Синан живут в этом доме. Ибрагим, Селим, Уфук, Али, Рамазан и Гасан – пришлые из соседнего ложмана, Сульгюн, но с ними ты будешь пересекаться в Бутиковом рае, мы частенько на работе вместе чай гоняем. Как дома, в Казахстане, жили в соседних деревнях, так и здесь от них спасу нет, – Саша шутливо хлопнул Ахмета по плечу. – Скачем дальше. Помимо чудовищ есть и красавицы. Лизунка – моя правая рука. Нилюфер... хм... достояние магазина сувениров и по совместительству твоя соседка. Нилюфер, по-братски тебя прошу, хотя бы с Сульгюн разговаривай без грубостей. Ей сейчас нелегко. Только сегодня приехала из

¹⁵ Старший брат (тур., дословно). Используется и как дружеское обращение к мужчине старше говорящего.

Туркменистана, оставила там четырех малышей, мужа-пьяницу и престарелых родителей. Ты извини, Сульгюн, что я рассказал это без твоего разрешения, но мы здесь одна семья, хоть и не родственники по крови. Секретов друг от друга у нас нет.

Взгляд кофейных глаз девушки испуганной птахой взвился с пола, перелетел на плечо Саши.

– Конечно, аби.

И снова от тембра ее голоса Лизу бросило в дрожь. Было в нем что-то знакомое, но не уму, а сердцу. Что-то притягательно близкое, чему Лиза не смогла дать названия.

Их взгляды пересеклись. В глазах Сульгюн настороженность и затравленность зверька, с вольготной жизни попавшего в лапы браконьеров, переплетались с интересом к миру, в котором придется с нуля строить жизнь.

– Чувствуй себя как дома, Сульгюн. Я уверена, что мы подружимся, – мягко обронила Лиза и засмузилась от признательности, мелькнувшей во взгляде новой подруги.

– Отлично, все друг друга любят, значит, пришло время отведать вкуснятины, которую приготовили деву... Опачки, это что такое? – Саша изумленно разглядывал кастрюлю, в которой варились вареники. Некоторые из них оказались ранеными бойцами, и часть начинки расплылась в воде. – Не понял, вы решили суп вместо обещанного приготовить? Тогда почему по-турецки, кашей, а не с нормальным картофелем, дольками?

– Эээ... это... это... эксперимент! – выпалила Лиза. – Но тебя заждались красивые и вкусные вареники. Налетай, директрunea.

– Другое дело! – крикнув от удовольствия, Саша занял предусмотрительно освобожденное Синаном – младшим – место, схватил сразу два вареника. – Ох и проголодался же я!

Почти светало, когда закончились вареники, иссякли темы для разговоров и силы для его поддержания. «Местные», зевая, держась за животы и желая мира женским рукам, отправились на боковую, а «пришлые из соседнего ложмана» поспешили откланяться, оставив после себя испачканные кастрюли, грязные блюда и гору стаканов. Под глазами быстро смекнувшей обстановку Нилюфер сгустились тучи. Уголки губ провисли в скорбном призыве.

– Косматая, пожалуйста, вымой посуду ты. Честное слово, ни капли сил не осталось. Ни вот такой даже грамулечки, – Нилюфер поднесла к лицу подруги свою маленькую ладонь, намереваясь продемонстрировать ей размер «грамулечки».

Вяло улыбнувшись, та отпрянула.

– Вымою.

– Я знала, что у тебя доброе сердце. Только сделать это нужно сегодня, иначе к утру вас муравьи съедят.

Одному Богу известно, по какой невидимой связи муравьи узнавали о наличии в доме хотя бы крошки еды. Стоило хозяевам утратить бдительность и оставить на ночь грязные кастрюли, стаканы или – самое приятное – тарелки с едой, как к утру дом осаждали суетливые черные дорожки.

Гасан замешкался у порога, якобы воюя с непокорными шнурками китайских кроссовок. Едва за последним гостем закрылась дверь, одним прыжком подскочил к Лизе.

– Лиз, я что спросить хотел, – начал он, даже не пытаясь заглушить голодный блеск в глазах. – У тебя парень есть?

Еще один.

– Нет и не надо, – буркнула она. Усталость не позволила добавить в голос нотку доброжелательности и сочувствия, «отшить красиво», как называл подобные разговоры любимчик дам Саша. – Спокойной ночи, Гасан.

Отвернувшись, она не заметила сузившихся глаз незадачливого поклонника и его сжавшиеся кулаки. На тыльной стороне ладони, там, где ее коснулись вразнобой подстриженные ногти, заалели полумесяцы.

– И тебе не хворать, – прошипел Гасан.

Ядовитые растения вырастают из непримечательного зернышка, день за днем набирая свою смертоносную силу. Если бы Лиза знала, какое чудовище вырастет из только что посаженного ею семени раздора, она, забыв про усталость, метнулась бы догонять Гасана, извинялась бы так красноречиво, как не извинялась и в пять лет, до слез обидев маму. Но интуиция девушки спала, поэтому Лиза, domыв посуду и вытерев руки о полотенце с гусями, побрела к кровати. Не раздеваясь, рухнула на ромашковое поле одеяла и тут же заснула, окутанная заботливо-приторным ароматом апельсинов.

Глава 2

Тест на выносливость под названием «работа на отдыхе других» набирал обороты. Лиза уже неделю как плюнула на правила дамского приличия, требующие от нее появления в магазине при полном параде, и косметичка переехала в тумбочку под кассой. Это сэкономило девушке 20 минут утреннего сна. Сборы без десятиминутной прогулки до отеля по сонным улочкам занимали всего полчаса.

Около магазина, как и ожидалось, не было беснующейся в ожидании открытия толпы. Давно позавтракавшие туристы нежились на широком галечном пляже отеля. Море, еще покусываемое ночными ливнями, и днем рассерженно отторгало от себя лучи солнца. Но его нервозность все чаще брала выходной, и туристы, повизгивая от жалящей воды, уже совершали смелые забеги.

Это значило, что до обеда Бутиковый рай будет похож на вымершее царство. Лиза налила чашку растворимого Нескафе, выудила из ящика тумбочки бисквит, принесенный накануне кем-то из обретенных друзей-клиентов и чудом спасенный от прожорливого Саши.

– За щедрых туристов! И за новый прекрасный день на курорте.

Девушка вдохнула его медово-пряный аромат, в предвкушении поднесла чашку к губам и...

– Доброе утро, ашкым¹⁶! Как спалось?

От наполнившего магазин аромата гортензий бисквит утратил былую прелесть.

– Уйди, Ниля! У меня сегодня выходной от тебя.

– Вот уж нет. Не забудь, косматая, вечером идем в кафе у моря! Любимый заждался, – выпустила на волю счастливую улыбку Нилюфер.

– Вот уж нет. Мы пару дней назад там были и принял тебя твой ненаглядный не очень-то любезно. И вообще, он же с 11 вечера работает? Почему сам не придет к тебе днем? – неодобрение выбора подруги сквозило в каждом звуке, произносимом отчетливее обычного.

– Спит. И предпочитает, чтобы приходила я. Любит инициативных, знаешь ли.

Закончив с бисквитом, Лиза достала шкатулку со средствами для маникюра. Находила в нейл-арте¹⁷ украденное сезоном умиротворение.

– Если ты ему действительно нужна – он тебя из-под земли достанет. Если нет – твоя инициатива ни к чему. Встретился с тобой раз – и переключился на следующую, «белую кожу». Поступил так, как мы поступаем с туристами.

– Фьюю, косматая. Живи одна в своем черно-белом мире, а меня из моего разноцветного к себе не перетаскивай. Ты правда не видишь разницу между туристками-однодневками и мной, месхетинкой? Со мной ни один турок так не поступит, кишка тонка.

– У смазливой мордашки, и тем более у... хм..., – Лиза скосила глаза вниз, – национальности нет. Твой гарсон, извини, не похож на страстно влюбленного Ромео.

– «Семейная жизнь» и «страстная влюбленность» не всегда плоды одного дерева, косматая. Первого мне достаточно. Это тебе то кофе с сердцем на пене, то любовь как в кино подавай. А мне нужна лишь крыша над головой, вся семья под ней да кусок хлеба с мясом.

– Ты поэтому носишь исключительно фирменные дорожные вещи и золото размером с твою голову? – сквозь доброжелательность, маской накрывшую тон Лизы, не просочилось ни ноты бушующего внутри девушки раздражения.

Эта пухлощекая месхетинка невыносима в своей заносчивости. Как и Лиза, она оказалась одна в чужой стране, но в отличие от Лизы боялась остаться наедине со своей душой, исковер-

¹⁶ Любимый (тур.).

¹⁷ Украшение ногтей.

канной чередой пережитых трагедий, а потому нацепила свинцовую броню в метр толщиной, заблокировавшую всякие представления о вежливости. Именно эта тема и служила явной или скрытой причиной постоянных девичьих склок.

Земля в новой стране для иностранца – это болото. В ней нет опоры. И правила, и культура, и обычаи – все новое, зыбкое, неизвестное. Зачастую – противоположно привычному. Во второй год становится легче. По крайней мере понятнее. Но, увы, нельзя уберечь от боли новичка и того, кто сам летит на острие ножа, по привычке видя в нем счастье.

– Знаешь, как проходят мои вечера, рыжая? – в обычно барабанной четкости голоса Нилюфер промелькнули надрывные нотки. – Одна рука непроизвольно тянется к пакету с конфетами, вторая – к мобильному. Вдруг, как ты его называешь, гарсончик что-то написал или позвонил, а я не слышала. Нет. Тишина. Долбит кинжалом со смазанным ядом наконечником. Только не в уши, а в сердце. Я не видела его уже миллион дней, Лиза. Он занят уже миллиард минут. Ты хочешь, чтобы нынешний, очередной невыносимый вечер прошел так же?

Безцветность голоса Нилюфер возымела эффект. Даже гортензии в ее духах скорбно опустили кудрявые головки.

– Хорошо, мы пойдем сегодня в кафе, – сдалась Лиза. – Начнем знакомить Сульгюн с турецкими вкусняшками. Но сделаем это после вечернего шоу в отеле. Будет концерт какого-то местного красавчика, страсть как посмотреть хочется.

– Фьююю! Посмотреть или все-таки послушать? – гортензии снова приобрели характерный для них насыщенно-дерзкий аромат. – Сразу после работы – в кафе, точка. На местного красавчика ты можешь посмотреть уже сейчас, они к тебе сами стадами ходят, – громко пробурчала по-турецки Нилюфер, откровенно кивнув на застывшую в дверях магазина фигуру. – Любуйся на здоровье. Я ушла.

– Стой!

– Покаа, рыжаяяя, – пропела Нилюфер и, демонстративно запустив в подругу воздушным поцелуем, скрылась в прохладе коридора.

По-хозяйски оперевшись рукой о косяк и выставив колесом грудь в перепачканной землей футболке, отельный садовник осматривал магазин. Невысокий, как и большинство турков, с обветренной временем кожей, он выглядел словно только что вернувшийся из дальнего рейса моряк, много часов проведенный на капитанском мостике в ожидании суши и всех связанных с ней радостей.

Вулкан рыжего негодования, до того убаюканный бисквитом, готов был залить шипящей лавой всех и все, что попадется ему на пути. «Как его в таком виде в отель пустили?! Где Саша?! При нем *они* с такой наглостью магазин не атакуют. Главное не улыбаться. Улыбка для них – зеленый свет». Прикрыв жерло вулкана крышкой показного спокойствия, Лиза устала на прищельца.

– Желаете роскошное постельное белье? Или пижамки для внуков? Может, сорочку для женушки? – на иностранном турецком, как называл лизину версию языка Саша, уточнила она.

– Ты во сколько заканчиваешь работу? – спросил моряк.

– В 10, – Лиза опешила от проявленного нахальства.

Деликатные турки обычно предпочитали иную тактику. Усладить девушку комплиментами, растопить ее недоверие обжигающей лапшой под изысканным соусом и только после этого переходить к делу. Этот же... капитан... вел себя словно горец, не имеющий ни малейшего представления о правилах приличия. Лизе это не нравилось. Если уж ввязался в игру, изволь действовать по установленным правилам.

– В 22.05 жду тебя у соседнего отеля.

– В очередь, – по-русски обронила она, едва сдерживая готовые соскользнуть с языка турецкие гадости.

Обладательница роскошной гривы и искристой улыбки, Лиза с первого дня работы в отеле стала объектом пристального внимания со стороны мужской части персонала. Не проходило и дня без очередного настойчивого приглашения «скоротать вечерок у моря», будто туристок им мало. Чем шире становился круг отвергнутых, тем ярче разгорался азарт в остальных представителях «семьи Ататюрка¹⁸». На красивые слова и сладкие обещания непокорная русская не клюет. К нежным взглядам равнодушна. Откровенные беседы не находят взаимности. Что же способно тронуть ее сердечко? Видимо, садовник решил попробовать новое средство – бесцеремонность. Тоже промах, дорогой.

Не поняв сказанное, но по турецкой самодовольной привычке решив, что такому принцу как он иностранка отказать не посмеет, садовник задрал подбородок и ушел. Крышка на вулкане терпения Лизы начала подрагивать. Опять придется выходить из отеля с Сашей, при нем капитан подойти не посмеет, хотя будет ждать, это очевидно. «Коллекционеры», они такие...

В прошлом году активно наблюдавшая за курортными турками, Лиза поделила их на четыре типа.

Первый – «кролики», они же «коллекционеры». Это мужчины наподобие избранника Нилюфер. Долгие ухаживания им неинтересны. Они очаровывались девушкой на один-два вечера. Отточенными фразами и взглядами шустро овладевали ее вниманием и не только им, ставили жирную галку в списке своих достижений и тут же теряли к проходной избраннице интерес. Становились «неимоверно занятыми» и абонент не абонент.

Во втором типе – «Неразлучниках» – кроме названия не было ничего романтического. Не разлучались они со своим стремлением не выделяться из толпы. Принято на курорте гулять с туристками – хотели-не хотели, но гуляли. Без подруги не комильфо. Отлаженность конвейерной системы неразлучников восхищала Лизу. Они выбирали туристку с симпатичной фигуркой и обожали ее до конца ее отдыха. Обхаживали, засыпали комплиментами, уверяли, что она самая-самая, искренне считали ее своей девушкой. Прощаясь в последний раз, вздыхали у автобуса, теребили ее ладошку в трогательном нежелании расставаться... и тем же вечером обнимали следующую, тоже уже любимую.

Представители третьего типа – «Избиратели» – в отличие от первых двух не делали из секса культа. Им нравилось проводить время с приятными, тщательно выбранными туристками. Первый этап отбора, о котором девушка даже не подозревала, заключался в наблюдении за ней в первые несколько дней ее пребывания в отеле. Если после пары дней она все еще одна – значит, тоже избирательная, есть смысл к ней присмотреться. Дальнейшее – дело техники.

К четвертой, малочисленной кучке относились все остальные. «Святоши», «Примерные семьянины», а также те, кого смущало незнание русского и английского языков, поэтому прогулкам с красавицами-туристками они предпочитали посиделки в мужских, таких же как они иностраннонеговорящих компаниях.

– Такие только зря место в туризме занимают, – скривился Саша, с которым Лиза поделилась своей теорией. – Ты только подумай, Лизунка, сколько из-за них красавиц уезжают неудовлетворенными. Только такие как я «кролики» и выручают Турцию. Не будет нас, чернооких принцев, и туризма в Турции не будет, запомни мое пророчество. Он на наших плечах держится.

В увлечении противоположным полом Саша был уникальным мужчиной. Он твердо занимал позицию между коллекционерами и неразлучниками, умудряясь проводить время одновременно с двумя-тремя девушками на протяжении всего их отдыха. Делал это так виртуозно, что ни одна из них не догадывалась о наличии остальных.

¹⁸ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881-1938) – основатель современного турецкого государства, первый президент Турецкой Республики.

– От судьбы можно ухитриться убежать. От времени – никогда, – Саша пригладил дерзко мохнатыя брови. – Я слишком люблю жизнь и уважаю Аллаха, чтобы отказаться от щедрот, им посылаемых. Столько красоты рядом, а пенсия не за горами. Надо использовать возможности по-максимуму, Лизун.

– Супруга разделяет твоё убеждение?

– Тьфу! Есть у вас, баб, дар: одним словом смешать мед с навозом!

– Уж прости, директрюня, – Лиза выглянула в коридор Бутикового рая. – Чтобы заглядывать свою вину, докладываю: мед сейчас разглядывает витрину магазина. Твой формат, тебе и работать.

У текстильного, возбужденно пересмеиваясь, две белокожие туристки разглядывали торсы манекенов, наряженных в бамбуковые мужские халаты.

– Вот еще. Я сегодня шейх. Приводить ко мне наложниц – твоя задача, – развалившись на пологом троне для гостей, обитом расшитой пайетками и бисером тканью, провозгласил Саша. – Вперед, Лизун, на рыбалку. Ловись рыбка и стройная, и округлая, помнишь, как я тебя учил в начале сезона?

В первые дни совместной работы Саша активно пытался приобщить новую помощницу к ассистированию не только в продажах, но и в не менее важной задаче сезона – пополнению заветного Списка Полюбленных Девушек. От Лизы требовалось лишь ненавязчиво внушить претендентке, что патрон – мужчина уважаемый, прогуляться с ним безопасно и приятно. «Ты русская, Лизун, к тебе доверия со стороны туристов больше. На небесах тебе эта помощь зачтется».

Но стоило Лизе пару раз «ненарочно», по девичьей глупости провалить задания, как Саша образумился и нашел себе более сговорчивого партнера – Ибрагима, продавца в центре кожи и меха и по совместительству главного конкурента за содержимое туристических кошельков. С ним же выгуливал туристок, приехавших с подругой.

– У нас крючки закончились, их в кожу завезут. Ра-бо-та-ем, директрюня, – выходя из магазина, бросила Лиза патрону. – Леди, добрый день, – улыбка подошедшей к витрине Лизы, после упоминания Саши о рыбалке напоминая оскал, тем не менее составила бы конкуренцию стокартному бриллианту в солнечный день.

– Нам ничего не надо, девушка, мы только смотрим, – вскинулась туристка. – Оля, пойдем отсюда, пока нам ничего не втюхали, – дернула подругу за рукав пестрого кардигана.

– Я вам ничего и не предлагаю, кроме турецкой диковинки.

– Какой же? – проглотили наживку подруги.

– Вам невероятно повезло, сегодня в нашем отеле отдыхает казахский шейх, инкогнито. Именно сейчас он в моем магазине. Хотите взглянуть на заморского красавца? Бред Питт рядом не стоял.

– Пожалуй, не откажемся, – после перестрелки взглядов протянула Оля.

– Проходите, пожалуйста.

«Главное, Лизун, – заведи туриста в магазин, а уж я превращу его в довольного клиента».

Сохранив на лице достоинство приближенной к шейху, Лиза заскочила вслед за подругами в текстильный, где Саша, успевший обмотать голову ярким полотенцем, уже рассказывал первую байку из жизни провинциальных шейхов.

Такой он, стандартный рабочий день на курорте, где собирается самая обширная коллекция шутов и сказочников.

*

Плоские низкие небеса, грозящие вот-вот разразиться рыданиями, сменились мерцающим куполом. За зиму привыкшие к отчуждению звезды застенчиво выглядывали из-за тем-

ноты кулис, не решаясь на сольные партии. Лишь полношекая луна, высокомерная аристократка, свободная от предрассудков, величественно устроилась на троне небосклона.

Кемер замер в нетерпеливом ожидании нового курортного дня, в котором, иншалла¹⁹, появится много солнца и в котором, иншалла, появится шум дискотек. Из-за ливней открытие клубов перенесли сначала на неделю, потом еще на одну, потом еще. Погруженный в дремоту юный Кемер ждал своего часа.

Под покровом ночи «бабья банда», как назвал недавно образованную девичью компанию Саша, закутавшись в свитера, скорчилась под дрожащими листьями апельсиновых деревьев у дома, где жила Лиза. Неизвестный хитрец-экономист вновь выкрутил лампочку из уличного фонаря, и крыльцо освещалось лишь скудными подавляющими остальными гранями Жемчужного квадрата. Сожители Лизы, пользуясь погодным затишьем, умчались гулять с очередными возлюбленными, оставив дом вести молчаливые беседы с окружающими его горами и апельсиновым садом. Узнавать тайны мироздания. Соотносить их с увиденными человеческими страстями.

На умело накрашенном лице Нилюфер застыла обида.

– Сули не хочет в кафе.

– Я моря никогда не видела, – робко улыбнулась Сульгюн.

Снова от переливов ее голоса по телу Лизы проскакал табун мурашек. В чем его необъяснимый магнетизм? Вновь и вновь задавала она себе этот вопрос, но ответ рассеивался в пространстве мыслей.

– Я тоже голосую за море. Сезон едва начался, а я уже устала от постоянного гула туристов. Хочу сбросить маску вежливой девочки.

– Здравствуйте, баба Настя! Вы спелись, ленивые кулемы. Устали они. А я жить хочу, любить, смеяться, целоваться. Это *мне* тоскливо, значит, мне и придумывать план на вечер.

– На пляже отлично посмеемся.

– Мы с тобой как будто на разных языках говорим, косматая. Ладно, бежим отсюда, неровен час придет Ахмет или еще хуже Саша, и ни моря нам, ни звезд. Беспокоятся они за нас, понимаешь ли... Лишать людей развлечений – такое нынче значение слова «беспокойство».

Покинув территорию Жемчужного квадрата, девушки повернули в сторону моря.

– Лизе действительно сложно понять, что именно ты имеешь в виду, Ниля, – обронила Сульгюн, зачарованно разглядывая отели, мимо которых шла вымощенная терракотовыми прямоугольниками дорога на пляж. – Ее культура другая, а наши с тобой во многом схожи. Лиза, у нас братья в ответе за жизнь сестры. Не видать им рая, если равнодушно оставят ее погибать. Неважно, будет это моральная смерть от горя либо физическая – от голода или алкоголя. Братья не имеют права позволить тебе и шагу ступить по неверному пути, – Сульгюн сощурилась, отчего разрез ее глаз стал еще резче. Она замедлила шаг, мысленно перелетев через страны в родную избушку на севере Туркменистана, вырастившую восьмерых детей. – Я не осуждаю твою культуру, Лиза, но у вас авторитет старших не столь силен. Здесь, в Турции, ты можешь ощутить, как это приятно – быть сестренкой старших братьев.

– То есть находится под их неусыпным контролем?

– Это называется заботиться и беречь, косматая! Ты в детдоме что ли росла, элементарных семейных слов не знаешь. А тебя, деревенская, чего твои братья не уберегли, не разобрались с муженьком-алкоголиком?

Сульгюн вздрогнула, сжала плечи. Это была ее ошибка. Дом мужа был в другом велаите²⁰ и, став женой, с братьями она виделась раз в года. Да и не хотела жаловаться, верила, что

¹⁹ Если есть на то воля Аллаха.

²⁰ Область/провинция в некоторых странах, в том числе Туркменистане.

однажды Аллах образумит ее мужа. Если не ради нее, то хотя бы ради детей. Что однажды их жизнь наладится, и они станут дружной счастливой семьей.

Идти на ближайший к ложманам пляж подруги не рискнули. Экономные сожителю Лизы, не желающие вырывать из семейного бюджета доллары на комфорт мимолетных подруг, часто проводили свидания там. Море, звезды, луна, тонкие профессиональные комплименты, ненавязчивые прикосновения, иллюзия близости и понимания. Классическая романтика востока. И туристам нравится, и бесплатно.

Около магазинчиков, закрывающих торговый Кемер, подруги свернули к парку лебедей и, подгоняемые ветром-задирой, поспешили к городскому пляжу. Под аккомпанемент ворчания Нилюфер заскочили в гостеприимно светящийся маркет, сложили в непрозрачный пакет пару бутылок гранатового вина, пластиковые стаканчики, молочный шоколад, пакетики орешков. И, наконец, оказались на орошаемом солеными брызгами пространстве. Взглянули на горизонт и...

– Это что еще за происки шайтана?! – выдохнула Нилюфер. Тонким каблуком запуталась в объятиях гальки, замахала руками и, не удержавшись, рухнула на одно колено.

Вдалеке, где горизонт кокетничал с морем, небеса устроили лазерное шоу. Вспышка кровавой молнии озарила разлившуюся черноту багряной зарей. Миг – и заря исчезла, не оставив тающего шлейфа. Черноту разорвала следующая пурпурная вспышка, вернувшая мир в мгновение предзаката.

– Бисмилляхи рахмани рахим²¹, – не успевшая подняться с колена Нилюфер кинулась на второе, прижала ладони к груди в суеверном ужасе. Ставшая багряной луна снисходительно усмехалась, глядя на людские тревоги.

– Вот так сюрприз, подруги, – движением плеч стряхнув оцепенение, пробормотала Лиза. – Идем в первые ряды зрительного зала.

Девушки подтащили шезлонги к кромке берега так, чтобы при желании ступни могли коснуться ледяной смолы моря. Скинули обувь, заойкали от приветственной прохлады гальки.

– Кусается!

Гранатовое вино – коварная штука. Словно шаловливый котенок дразнит оно мнимым отсутствием алкоголя, кружит голову ароматом спелых ягод. Нужно время, чтобы осознать его ценность. И не пропустить момент, когда пора остановиться.

– За нас, девочки!

Для Лизы, «курортной старушечки», двуличность гранатового вина не стала откровением, а подругам-первогодкам она пришлась по вкусу.

– Саша завтра обязательно спросит, где мы провели вечер, если я правильно поняла суть ваших деловых отношений, Лиза, – пропустившая момент «стоп» Сульгюн отставила опустевший стакан, зажала ладонями пустившуюся в пляс голову. – Потом найдет и буркнет: «Приду в следующий раз на ваше море, посмотрю, что на вашем бабском языке значит «разговоры с подружками».

– Это он заботу обо мне прикрывает беспокойством о тебе, косматая, – возвела глаза Нилюфер.

– Ты при чем?

– Здравствуйте, баба Настя! Это вы, русские, в этой стране словно сорняки в поле, творите что хотите. А я – ахызка, нам гулять с кавалерами до свадьбы и тем более искать приключений на пятую точку запрещено культурой. Но мне плевать на правила. Жизнь моя и коротать ее мне.

– Вообще-то Саша – мой патрон. Про тебя он никогда не упоминал в допросах, – Лиза произносила слова медленно, любясь переливами лунного света в вине. – Если тебя, говорит, вые... Вы поняли девочки. Так вот, если с тобой, говорит, это сделают, то, считай, и со мной

²¹ Да защитит меня Аллах.

– морально разницы нет. Потому что весь сезон твои слезы утирать придется мне. Бойтся он, что я влюблюсь в «кролика». Как будто не я эту классификацию придумала.

Заносчивую Нилюфер сбить с пьедестала было не так-то просто.

– Вообще-то Ахмет – мой родственник, забыла, косматая? Саша – лучший друг Ахмета, считай, что брат. Если со мной что-то случится, отвечать перед Аллахом и моей теткой будут оба.

– От главных потрясений в жизни они тебя уберечь не в силах, как бы не старались, – в меланхолию голоса Сульгюн виноградной лозой вплелись ростки смирения. Будто она знала больше, чем могла рассказать. – Хватит о сложном. Сегодня особенный вечер, девочки. Вечер празднования начала нашей дружбы.

– У меня для вас есть сюрприз, – пухлая ладошка Нилюфер с униженным золотом пальцами утонула в складках мешкообразного платья, покопалась там и извлекла пакетик с сухими анчоусами. – Угощайтесь, пока я добрая. И пожелайте здоровья Жорику из Минска. Ты, косматая, с ним знакома, этот красавчик у тебя пар десять носков купил. Еще он выбрал жене в отельной ювелирке кольцо с шестнадцатью бриллиантами, около 40 000 долларов за него отдал. А женушка его на следующий день случайно в море утопила. Так и не нашли. А у меня для вас еще и семечки есть, настоящие, черные.

– Ниля, я тебя обожаю! – от восторга Лиза вскочила на ноги. – Человеческих семечек мне не хватает еще больше, чем сгущенки ипельменей. От турецких белесых монстров у меня мозоли на пальцах. И вообще, здесь я сильно-сильно скучаю по привычной еде. Как будто через нее держу связь с покинутым родным и любимым.

Тихая Сульгюн наблюдала за добродушной суетой подруг, едва сдерживая слезы. Забота, щедрость, искренность... Это были слова из другого мира. Перед глазами девушки, разрывая едва сформированные рубцы, кровоточащими стрелами проносились картинки прошлого.

Провонявшая потом, заляпанная кровью тельняшка. Муж рубил голову курице. Тем же вечером с тем же топором носился по деревне за ней, Сульгюн, пугая встречных соседей бешеным блеском в глазах. В блюде с куриным мясом, редком госте на их столе, оказалось слишком много лука. Вот и вся причина.

Храп мужа в разлившемся алкогольном смраде. Детский плач в четыре голоса. Неумный, животный. Ее шепот: «Завтра, милые, завтра будет нам хлеб».

Погоны на гостях в форме. Казенная бумага на покрытом дырявой клеенкой столе. Неуверенные подписи свидетелей. Наручники на ненавистных запястьях.

Презрение в голосе матери и братьев. «Твое дело – терпеть».

Надежда в звонке из Турции от дальней родственницы. «Займи на билет. Есть работа».

Чья-то рука на ее плече. От нее исходит тепло и поддержка. Стоп. Это не может быть кадром из прошлого. Сульгюн оглянулась. Так и есть. Заметив ее состояние, Лиза подседа поближе, обняла ободряюще. «Все будет хорошо. Теперь ты не одна», – шептали ее глаза. Их тепло, отразившись в звездах, робким лучом прокралось в душу. Потопталось в коридоре, уселось у порога, не решаясь войти в гостиную. Всею свое время.

– ...дители погибли в автокатастрофе два года назад, мне тогда было всего 17, – донесся до них начавший терять связность голос Нилюфер. – А недавно я потеряла последнего родного мне человека, бабушку. Девочки, это так страшно – пустота в жизни. Старое разрушено, новое не построено. В Стамбуле живет моя тетка, но ей нет до меня никакого дела. Она мне чужая, как и я ей. Формально выполнила свой долг, после похорон бабушки выделила койку в своей лачуге, а через неделю спихнула меня Ахмету. Он-то тоже мне семисотая вода на киселе. «Тебе надо отвлечься, дорогая», – кряхтящее-дрожащее передразнила Нилюфер. – Тоже мне, добродетельная матрона. Знаете, что мне нужно на самом деле, кулемы? Муж, который останется со мной, что бы ни случилось. Который вопреки всем культурным рамкам принесет мне обед в кровать, когда я буду больна.

– То есть тебе нужен кто-то, кому ты будешь дорога? Твое желание уже исполнилось, Нилюфер. Аллах послал тебе меня и Лизу. У тебя есть мы, а у нас – ты. Мы нужны друг другу, особенно здесь, на чужой земле.

– Что ты несешь, деревенская? У меня никого нет. Ни-ко-го. Я из последних сил пытаюсь найти опору. Понимаете теперь, почему меня так тянет к моему любимому? Он лишь взглянет на меня, и я снова верю в то, что счастье существует. Вспоминаю, зачем стоит жить.

Вторая рука Лизы нашла сочувствующее пристанище на плече Нилюфер. Туркменка, русская, турецкая казашка. Шанс на их встречу был один из миллиарда.

Плечо к плечу. Сердце к сердцу. Судьба к судьбе.

Шелест моря касался души. Свежесть ночи дарила покой. Темнота моря слилась с небесами в томном вальсе.

– Смотрите, девочки, мы на краю земли, – шепнула Лиза. – Кажется, будто есть только мы, Вселенная и мириады звезд. Хоть каждую секунду можно загадывать желание. Давайте вспомним о самой сильной мечте и запустим ее прямым в небеса.

– Совсем ты спятила, косматая. Хотя с таким начальничком как у тебя это не сложно.

– Почему бы и не попробовать, – Сульгюн в зародыше погасила пламя раздора. – Мир гораздо интереснее, чем нам об этом позволяют знать, Нилюфер. Ты можешь взять ту свободу, которой делится с тобой Лиза. А можешь остаться жить в своем заколоченном условностями мирке.

– Здравствуйте, баба Настя! Было бы все так плохо, как ты описываешь, нищенка, жила бы я сейчас в деревне, как еще недавно ты. У меня есть свобода и в первую очередь в выборе того, с кем пойду по жизни рука об руку. Я не ты, деревенская, и не вздумай равнять нас.

Напряженные пальцы Сульгюн сжали полосатую ткань матраса. Но голос не выдал ее обиды.

– Ты права, Нилюфер. У нас разные национальности, разное воспитание, разный опыт. Спасибо маме, мне она привила вежливость и деликатность. Но желания у нас с тобой одинаковые, поверь. Все женщины в любой точке планеты в глубине души мечтают об одном и том же.

– Еще одна кулема развела философию. Ладно, будь по-вашему, сделаю, как вы хотите, хотя мои желания и без глупых запусков в небеса исполнятся. Что делать надо?

Девушки зажмурились, вспоминая мечту. В их вновь открывшихся глазах поселилась радуга. Одна на троих.

– Ну смотрите, кулемы, если завтра любимый не подарит мне кольцо, я вас обеих за волосы отгаскаю, – в суровости Нилюфер затаились новорожденные подснежники.

– Ты можешь лишь попросить Аллаха, а последнее слово остается за ним, – Сульгюн вновь наполнила стаканы багряной жидкостью. – Он обязательно подведет тебя к имаму, но кто оттуда обернется на тебя влюбленными глазами – известно лишь ему.

– Ты на что намекаешь, деревенская?

– На то, что все будет в свое время. Сейчас самое время выпить. За то, чтобы мы как можно чаще любовались звездами улыбающимися глазами.

– Еще не хватало за звезды пить.

– Не за звезды, дуреха. За счастье.

Глоток за глотком, девушки расслаблялись все сильнее. Оставляли в вине усталость и претензии к неслучившимся радостям. Лишь Сульгюн, за годы замужества привыкшая к муштре и стальной самодисциплине, не утратила нить беседы.

– В Турцию работать приезжают те, кто бежит от чего-то. Я, например, – от позора и голодной смерти своих малышек. Ниля – от одиночества. А ты, Лиза? От чего бежишь ты?

– Я? – Лиза помолчала, формулируя внятный ответ на никогда не интересовавший ее с такого ракурса вопрос. – Я ни от чего, я – к чему. В прошлом году я приехала сюда из любо-

пытства, в университете предложили летнее оплачиваемое приключение. А вернулась, потому что Кемер стал моим воздухом. Здесь же нет завтра, есть только беспечное сегодня. Все торопятся жить, любить, смеяться, зарабатывать. Здесь чувства фальшивы, но максимально интенсивны. Шесть месяцев буйного веселья – и жизнь замирает, чтобы через полгода грянуть вновь со свежими силами. Здесь я другая. Живая, счастливая. Такой я себя не знала, но эта версия мне чертовски симпатична.

– Хочешь, я расскажу, почему ты здесь на самом деле, Лиза? – Сульгюн прикрыла глаза. – Твоя жизнь была стандартом. Садик, школа, университет. На очереди – работа, замужество, дети, смерть. Однажды ты захотела вырваться из навязанной системы, вдохнуть полной грудью. Узнать, какая ты без паранджи²² условностей. Найти свой интерес и вдохновение к жизни. Эта потребность и привела тебя в Кемер, и заставила вернуться сюда снова. Ты прожила что-то в прошлом году здесь, и та история до сих пор держит тебя в тисках страха. Ты вернулась, чтобы стать свободной. Права я?

Лиза замерла, вставляя услышанные части в пазл своей жизни.

– Ты непростая, – наконец вымолвила Лиза. – Психолог?

– Бабушка научила, – впервые с момента знакомства подруги увидели улыбку Сульгюн. Робкую, словно едва распутившийся одуванчик. – Ее – ее бабушка. Эта способность передается у нас через поколение.

– Здравсьте, баба Настя! – взвилась Нилюфер. – Так ты, деревенская, значит, ясновидящая? А в трезвом состоянии ты тоже предсказывать умеешь?

– Умею.

– Ну-ка, ну-ка, когда любимый мне предложит руку и сердце?

Вместо ответа Сульгюн разлила по стаканам остатки вина. Девушки допили его молча, любуясь паутиной звезд улыбающимся взглядом. Открывшись навстречу друг другу, их души слились в одно, чтобы, растворившись в безмолвном танце, снова стать тремя, но уже объединенными невидимой нитью самостоятельными единицами. Права Сульгюн, вечер стал особенным.

– Не поняла, я замуж-то выйду? – суровый окрик вызвал у девушек приступ хохота. Ох уж эта Нилюфер!

– Конечно, – сделав большой заключительный глоток, Сульгюн смяла податливый пластик стакана, заботливо спрятала искореженные останки в пакет. – Причем до конца этого года. У вас будет общий бизнес.

При этих словах улыбка Нилюфер стала еще шире.

Слова лились из Сульгюн, словно вино на грузинском застолье.

– Твой будущий муж – плотный, с широким носом, миндальными смеющимися глазами и шрамом над правой бровью. Это гарсон?

Улыбка погасла.

– Ниля, его любящее присутствие даст тебе все, в чем нуждаются твои душа и тело. Не стоит бросаться на первого встречного, цепляясь за него, как за последнюю надежду. Абы с кем ты не уживешься. А вернуть веру в свое возможное счастье после развода не так просто. Как старшая сестра тебе говорю. Лучше долго выбирать, чем долго жалеть, – Сульгюн обернулась по линии прошлого, взгляделась в точку, с которой начался отсчет ее слез. В одно-единственное поспешное решение, вызванное желанием оказаться не хуже подруг.

В складки платья упала капля.

– И только попробуй «забыть» пригласить нас на свадьбу, – Лиза вновь приобняла подругу за плечи. – Знаю я тебя, лишь бы сэкономить на подругах.

²² Женская одежда, соответствующая нормам шариата. Она закрывает все тело и волосы женщины. Непокрытыми можно оставить лишь лицо, кисти рук и ноги ниже щиколоток.

Улыбка воскресла.

– Как можно, кулемы...

Впервые Лиза слышала в ее голосе столько теплоты. Лицо Нилюфер расслабилось, глаза заискрились хитрым блеском.

– Сули, а рыжая когда замуж сподобится? Надоела она мне со своим сумасшедшим начальником.

– Ее с руками оторвут. Чем быстрее перестанет капризничать при выборе и от страха отступать назад при сближении, тем скорее обретет пару.

– Я не капризная! – от силы возмущения Лизы остолбенели даже звезды. – Я не собираюсь устраивать из своей жизни проходной двор, становиться посмешищем отеля. Знаем, плавали. Радости в жизни мне и без мужчины достаточно.

– Жизнь полосатая, – от мелькнувшей в голосе Сульгюн материнской заботы и нежности возмущение испарилось. – У тебя сейчас период такой – свобода и копилка мужского интереса. Но пресыщение наступит быстро. Кайфуй, – улыбнулась она, заметив протест в позе новой подруги. – Потом, когда в твоей жизни появится Тот Самый, который перекроет другим мужчинам даже мимолетный доступ в твою жизнь, будешь скучать по этим денькам. Все мое время. Цени то, что есть сейчас. Всегда.

Откуда в этой деревенской девушке, не знавшей ни мужской ласки, ни доброго слова, столько мудрости?

– Опиши его, Сули.

– Ты и без карты не потеряешься. Эх, как мы будем отплясывать на ваших свадьбах. Готовьтесь, подруги!

Ценна та дружба, которая стоит у истока мечты. Волшебно, спустя время, с расширившимся от восторга сердцем наблюдать за ее исполнением. Вместе.

– Ты тоже не отставай, – подушка кулака Нилюфер ударилась о выпирающие косточки плеча Сульгюн. – Долго по своему алкашу не реви, много чести. Мы с вами, кулемы, в Кемере как в курятнике, только мы – петухи, а не топченые наседки.

Сульгюн промолчала, собирая снесенные ветром использованные стаканы, опустевшие пакеты от орешков и обертки от подсластившего вечер шоколада.

– Пора по домам, девочки. Прошло уже больше недели с моего приезда в Турцию, а я еще не адаптировалась к разнице во времени, глаза слипаются. Да и кемерская влажность молотом бьет по вискам, к этому тоже нужно привыкнуть.

Прокравшись к спящим ложманам, подруги торопливо пожелали друг другу приятных снов и разбрелись по кроватям. Каждая чувствовала, что стала богаче.

Уютно укутавшись в одеяло с ярким подсолнухом – несмотря на набирающий силу дневной зной, ночи еще обжигали прохладой – Лиза прижала к себе плюшевого крокодила, подаренного любимой подругой на совершеннолетие. Что-то изменилось в ней сегодня. Рядом с крокодилом вдруг стало тесно.

По рожденной в прошлом сезоне привычке Лиза выглянула в окно, чтобы попрощаться с ночной владыкой мира, сестрой дневного повелителя. Высоко-высоко в черноте, окутанная мантией из невесомых облаков, пышнотелая луна обменивалась мудростью с горами. Ее свет заливал дремлющий апельсиновый сад, сопящих под деревьями котят в обнимку с мамой-кошкой и затаившихся в предрассветном мраке цикад.

– Спасибо за вечер, родная, и за тепло новых подруг, – шепнула Лиза. – В моей жизни есть лишь одно пустое место. Раньше я не хотела его замечать. Но сегодня у меня появилось что-то, что больше моего страха. Пожалуй, я готова. Помогите мне не пропустить Его. Узнать в день ото дня плодящейся толпе «кроликов». Ради девчонок. Я так хочу увидеть их в нарядных платьях.

С Земли казалось, что Луна не обратила внимания на тонкий голосок, прозвевший в сотнях тысячах километров от нее. Но работа закипела. Луна готовила для своей любимицы турецкую любовь под стать ей. С приключенческой. Заодно проверить, правда ли любовь сильнее страха.

Глава 3

Будильник-молчун на полчаса продлил огрызок сна Лизы. Девушка открыла глаза лишь когда шалуны лучи защекотали ее кожу. Тучи рассеялись, уступив трон Его Святейшеству, а это значило, что в отель можно было не торопиться: соскучившиеся по щедротам солнца туристы уже обосновались на пляжных лежаках, как в свое время османы в Константинополе. Ни пушкой, ни мечом не загнать их из зарождающегося лета в магазины. Саша в такие непробыльные утра в текстильный ранее полудня не являлся, компенсируя организму работу в ночную смену.

Но его помощнице привилегии не полагались. Магазин должен быть открыт в 9 и точка. Дисциплина была родной сестрой работы на курорте.

Ошпарившись под ледяными струями душа – электрический нагреватель экономный Саша устанавливать не собирался – Лиза резво натянула черные джинсы и черный джемпер с вышитой кошкой, шейку которой украшали жемчужные бусы, схватила любимый канареечный плащ и выскочила из дома. Она не замечала ни заигрываний солнца, ни мольбы в глазах обсыкающих помойки толп голодных кошек, ни заинтересованных взглядов ожидающих сервис²³ работников крупных отелей, закончивших ночную смену и кучками сгрудившихся возле остановок.

Каблуки туфель девушки часто-часто порхали над терракотовой мостовой, учащенное дыхание задавало ритм шагам. Вопреки обыкновению наушники дремали в сумке-сове, а бодрящие мотивы заменили сладкие напевы шайтана из-за правого плеча. «Беги на пляж, хотя бы на полчаса. Все равно до обеда в текстильный не заглянет никто, кроме Нилюфер».

Порхание туфель замедлилось. До Deniz Luxury Resort&Spa оставалось всего три отеля. Последний шанс сделать утро приятнее. Сквозь просвет между отелями сверкала лазурь моря, приглашая в гости. Призыв слышался и в широких хлопках крыльев чаек, и в пересмешке волн, и в счастливых визгах малышни, строящей замки из гальки.

Из сумки донеслось протяжное мяуканье айфона. Благодарная за передышку, Лиза схватила трубку. Нилюфер. По утрам девушка стремилась избегать навязчивой подруги, но сейчас была рада ей.

– Где тебя носит, косматая? Толпа туристов выстроилась в очередь за текстилем. Пошевеливайся, кулема, а то я их на сувениры перетяну.

Каблуки вновь запорхали, исполняя сначала на мостовой, а затем и на мраморе пола отеля победную мелодию.

Перед магазином шаги приостановились.

Наряженные манекены грустно смотрели на залитый светом пустынный Бутиковый рай сквозь темноту текстильного. Соседи в магазинах праздновали начало очередного однотипного дня чашкой растворимого Нескафе с утащенной туристом булкой из ресторана или купленным в маркете Юсуфа бисквитом. Даже мяч задней части тела Нилюфер, против обыкновения, не торчал из бутика сумок.

«Чертовка Нилюфер, ответишь ты за свой розыгрыш».

Лиза успела накрасить лишь один глаз, параллельно прихлебывая кофе, когда в текстильный ввалилась семья. Подтянутый глава с роскошными усами а-ля Фридрих Ницше в коротких клетчатых шортах и алыми носками в босоножках, влетев в магазин, обласкал взглядом манекены в пеньюарах. Его дородная супруга в халатообразном балахоне и накрученном на голове шифоновым тюрбаном нахально перещупала все не скрытые стеклом витрины ткани.

²³ Отелиные автобусы, развозящие сотрудников по домам.

Трое пронирыливых пухлощеких мальчишек тыкали в белоснежное белье откусанным концом палки чучеллы.

– Валя, так шо мы берем? – зычный бас главы семейства наверняка был слышен и в Стамбуле. – Давай быстро решайса, захарать же пора, не на полвека мы суда приехали. Девушка! – тряхнул усами в сторону Лизы. – Хде вы были, полутра мы ваш махазин осаждаим. Памахите вы ей Христа ради, иначе мы до ханца отдыха у вас проторчим. Нам нужны палатенца для этих бандитав, три штуки, с капюшонами, знаете бывают такие, шобы мокрыми с пляжу не итти.

– Одел их – и ты черный плащ! Повелитель темных сил! – подскочил к Лизе один из тройняшек и направил на нее огрызок чучеллы. – Пах! Пах!

День сегодня встал не с той ноги. Однозначно.

– Ты только патрона моего не убивай, иначе некому будет мне зарплату платить, – мрачно попросила Лиза, под одобрительный крик туриста упаковывая махровые халатики с вышитыми на них якорями. – Вашей очаровательной супруге, шеф, могу предложить потрясающий сарафан, незаменимую вещь в жару. Он отлично подчеркнет топазность ваших глаз, Валентина. Нам, женщинам, это немаловажно, – закинула удочку с аппетитной наживкой. – Драгоценная у вас супруга, капитан.

Запахнув плотнее халат, словно желая сделать его неуместность менее заметной, Валентина зарделась.

– Пасмотрим, а, Вась? Одним хлазком только, – пискнула, не рассчитывая на положительный отклик.

– Конечно посмотрите, тем более, что вы – невероятные везунчики, попали на беспрецедентную акцию: сегодня просмотр и примерка красивых вещей абсолютно бесплатна.

– Ты молодец, дивчина, – разразился хохотом Василий. – Так и быть, Валюха, мерий шо хош. Паживее тока.

Тут же забывшая о расстройставах утра, Лиза вошла в роль художника, ваяющего из серой шейки белую лебедь, не замечая, что от дверей, пряча довольную усмешку, за спектаклем наблюдает Саша. Лазурный сарафан в пол с короткими рукавчиками-парашютами скрадывал изобилие тела туристки, в нужных местах подчеркивал его женственность. В каждой даме живет богиня, только у кого-то это бодрое жизнерадостное существо, а у кого-то требующая внимания и капельки любви сонная личинка.

– Вась, храсива-то как... – обновленная Валентина не могла отвести от зеркала сияющих глаз.

– Вы похлядите, шо Турция с людьми делает! Ты харалева, Валюха!

– Пока еще принцесса, – раскрасневшаяся Лиза задумчиво почесала подбородок. – Топазное колье и серьги, вот что сделает вас королевой, Валентина. Померяем? Бесплатно!

– Ваяй, Лизочка, маю харалеву! – решившись, махнул рукой, словно отрубил все связывающие с прошлым нити Василий.

Едва сосед-ювелирщик открыл перед ними обитую черным бархатом коробочку, в которой горделиво красовался комплект из золота с топазом грушевидной огранки, Валентина ахнула и схватилась за сердце. У Василия увлажнились глаза. Непроизвольно зажал он ладонью карман, в котором проглядывали очертания кошелька.

– Вааась... у нас хадафшина через месяц, – прошелестела туристка, не в силах отвести взгляда от завораживающей игры света на камне.

– Была не была... Берем! – Василий погладил карман, прощаясь с его содержимым.

Нагруженная пакетами с халатиками и сарафаном, а также шляпкой, парой футболок, десятком пар бамбуковых носков и капитанской кепкой («Вы, щедрый капитан, всю семью сегодня порадовали, а про себя забыли. Несправедливо это»), семья удалилась. Рука Василия нашла приют на талии супруги, ее щека – на его плече. Проводив их взглядом, Лиза пересчитала вырчку и едва удержалась от поцелуя Саше.

– После таких клиентов я обожаю этот магазин, патроша! Ты видел, сколько радости принес всей семье один простой сарафан? Видел, как расцвела Валентина? Море счастья вышло из берегов! А Василий? Заново влюбился в жену! До чего прекрасно – делать людям хотя бы капелюшку добра. Я фея, директрunea.

– Ни добро, ни любовь зимой на хлеб не намажешь, Лизун, – при продолжительных «бабских восторгах» Саша покрывался сыпью, поэтому стремился прервать их на корню.

– Сам же знаешь, чем ты веселее, тем больше продаж, то есть денег. А веселье и энергию даёт любовь, причем круглый год, а не только зимой.

– Все проще, Лизун. Бабская грусть и капризы – от недостатка мужского внимания, а не любви или денег, так и знай. В небогатой деревне, где я живу, все бабы пристроены, поэтому там на меня только собаки могут рывкать и быки бодаться. Хочешь верь, хочешь нет, но по их навозу я совершенно не скучаю, за что жена обвиняет меня в непатриотизме. Родина – это не та страна, где ты родился, а та, что тебя кормит. Моя кормилица – Турция.

– Где бы мы ни жили, мы берем с собой родину, директрunea. Она – в днк, менталитете, воспоминаниях. Мы называем это национальной культурой, но она и есть – дыхание Родины.

– Патриотичных соплей этот магазин ещё не слышал.

– Это не сопля, а гордость и восхищение, патроша. Историей, культурой, достижениями, особенностями, природными богатствами, подвигами, кухней. Всем тем, что обогатило мир. Знаешь, здесь, в Турции, любовь к России – моя опора. Когда мне особенно грустно, я открываю книгу Толстого. Или включаю фильм о великой отечественной войне. Вспоминаю, какая сила и мощь заложена происхождением в моем ДНК. И снова хочется жить и веселиться.

– Вам, бабам, лишь бы поплясать, а нам о семье думать приходится. Поэтому я и выбираю миграцию. Она для меня – самая лучшая опора и самая большая любовь. В сезон в Кемере я в лучшей версии родины: почти все мужики из моей деревни здесь, доллары тоже здесь, а вместо жены и детей – сотня красоток.

– Согласна, Кемер усиливает хорошее в людях. Здесь так много *улыбающихся* русских. Здесь мне спокойно и безопасно.

Однако уже через пару часов Лиза готова была забрать свои слова о безопасности назад. Написать их на листке, сжечь его, а пепел развеять по ветру. Чтобы даже воспоминания от собственной наивности не осталось.

*

Столовая для персонала находилась в дальнем конце территории отеля, рядом с каморкой садовника. Она была упрощенным подобием ресторана для туристов: те же деревянные столы на 6 человек, только на бордовых скатертях были засохшие пятна от соуса; те же пронырливые мухи, совершенно не считающиеся со статусом трапезничающего и с одинаковой наглостью способные сесть как на тарелку бармена, так и губернатора; та же популярная система шведского стола, правда, в значительно облегченном варианте. Из напитков предлагался чай с сахаром и без, в кулере – вода канализационная холодная и вода канализационная теплая. Естественно, никакого алкоголя.

На этом различия с туристическим рационом не заканчивались. В прошлом году в отеле появился новый шеф-повар, Серджан-бей, желающий за год с нуля построить двухэтажную виллу с видом на побережье. Поэтому в столовой для персонала было внедрено дублированное меню (за ужином подавалось то же что и днем) и система «кто не успел, тот опоздал». Так, блюда обеда, официально проходящего с 12.00 до 13.30, заканчивались уже в начале первого, после нашествия основной части голодного полчища.

Прожорливый Саша обеда пропускать редко. Вот и сегодня, едва минутная и секундная стрелка встретились на 12, взвился со стула.

– Лизун, вперееед, кишка есть зовееет!

На входе в столовую по привычке задвигал нодрями. Зондировал обстановку.

– Сегодня на обед обворожительная курица 1962 года рождения. Ее, похоже, завезли сюда вместе с цементом для закладки фундамента отеля.

Очередь за кусками «ископаемого» – толпа необъятных размеров турчанок-уборщиц и юркий посыльный, одна штука, – двигалась проворно. Уже через минуту на подносах текстильщиков, для удобства поделенных на четыре отсека, лежали внушительные куски курицы, дополненные рисом и маленькими острыми перчиками. Блаженство для турецкого желудка.

Брезгливо протерев вилку и внешнюю поверхность стакана салфеткой, Саша принялся за еду.

– Лизун, в древней курице самое полезное – кожа, – уминая за обе щеки, доложил патрон. Он всегда ел так, что Лиза едва успевала уследить за движениями ложки. Быстро-быстро, поднос-рот, рейс за рейсом. – Именно поэтому ее так любят мухи. Да-да, те, с зеленым пузиком. Видать, витамины из нее берут.

К горлу его напарницы на скоростном катафалке с гиканьем подкатила тошнота.

– Что плохого я тебе сделала, директрюня? – заныла Лиза. – За что ты каждый раз портишь мне аппетит?

– Сама пищишь, что попа толстая и целлюлит даже из груди выпирает. Я тебя спасаю от лишних расстройств, только и всего. Благодарности не нужно. Растроганных поцелуев тоже.

– Это потому, что в Кемере вкусного хлеба много, а спорт только языку достается.

– Извини, уважаемая десятикратная олимпийская чемпионка во всевозможных видах, забыл тебя об этом предупредить в начале сезона.

От выяснения отношений их спасло тихое, как и все, что она делала, появление Сульгюн с порцией курятины. В отеле девушку не было видно. Она прилежно работала, когда были клиенты, и так же старательно учила турецкий язык, когда парикмахерская пустовала. Не принимала участия в «текстильных играх» как, шутя, персонал называл устраиваемые Сашей, Лизой и Нилюфер шумные обсуждения очередной ерунды. За недели пребывания на курорте не была замечена ни в интригах, ни в закулисных романах. Поначалу сплетники расстроено разводили руками: никакой от нее эмоциональной прибыли, а сейчас и вовсе забыли об ее существовании.

Памятная ночь у моря сблизила Сульгюн с новыми подругами. Даже заносчивая Нилюфер становилась тише в ее присутствии, словно перенимала у более зрелой по возрасту и опыту Сули что-то ценное. Умение ладить с людьми и чуткость, которые красят женщину, делают ее способной сосуществовать с партнером. Увы, стоило Нилюфер покинуть пространство Сульгюн, как она возвращалась в свою любимую змеиную шкурку.

Саша молча приглядывался к девичьему трио, раздумывая, какие сюрпризы и неприятности преподнесет ему эта разномастная компания. Но в их вечерние встречи не вмешивался, ограничиваясь профилактическими беседами. До поры до времени.

Заметив скорость курсирования сашиной ложки, Сульгюн обронила:

– Почему бы не попробовать каждую привычку превращать в удовольствие?

Ложка замерла, не долетев до цели. Повисела в воздухе и уже спокойнее направилась дальше.

«Да что же такого чарующего в ее голосе?» – вновь не удержалась от вопроса Лиза, исподтишка разглядывая щуплую фигурку подруги. На джинсах появился ремень, который, правда, застегивался в самодельную дыру на десяток сантиметров отстающую от фабричных сестричек. Но скулы девушки стали не такими острыми, как пару недель назад, личико округлилось, косточка между запястьем и кистью перестала быть похожа на одинокий риф посреди моря, в шоколаде взгляда появились апельсиновые нотки доверия.

– Ты такая хорошенькая, Сули, – озвученное восхищение лепестком розы приземлилось на щеки подруги.

– Спасибо, Лиза. И турецкой пище спасибо, способствует активному превращению в шарик.

– Пора тебя с кебабом или донером²⁴ знакомить.

– Кто это?

– Местная вкуснятина.

В глазах Сульгюн промелькнул невысказанный вопрос. Ее вырвавшаяся из плена обстоятельство душа жаждала праздника, но рассудок, придавив волосатым брюшком кошелек, одной рукой неизменно показывал кукиш, а другой помахивал зажатой между пальцами фотографией четверых малышей. Несколько курушей²⁵ на интернет кафе для общения с ними – таков потолок его щедрости.

– Давай вместо ужина здесь сходим после работы в кафе, куда так настойчиво зовет Нилюфер? – решила она. – Иначе эта бесстыдница снова нацелится на наш мозг. Выключает его и проглотит, не разжевав.

У привыкшей к собственной, а значит, и общечеловеческой непредсказуемости Лизы не возникло и тени удивления предложению. Против настырности Нилюфер ни одна броня экономии не устоит.

– Пойдем, обязательно, – прошамкала она набитым ртом, собирая куском хлеба с подноса соус от курицы. – Но этот план здешнему «витаминному» ужину не помеха, после него еще пять раз успеем проголодаться.

– Зачем портить фигуру, Лиз? Давай попросим туристов принести фруктов с их царского ужина, заморим червячка, а уж в кафе наедемся до отвала.

Лиза пожала плечами, снова не обратив внимания на странную, несвойственную Сульгюн настойчивость. Зачем обсуждать сейчас то, что произойдет через пять часов? Наступит время ужина, тогда и решит, что делать. Может, слезные сказки Саши о тяжелой доле казахов в Турции подвигнут какую-нибудь сердобольную бабушку-туристку на запрещенные действия, она стащит для него поднос с пахлавой из ресторана, и вопрос ужина отпадет сам собой.

Они работали с людьми, что значило: на вооружении – только превосходное настроение. А с голодухи обычно уравновешенная Лиза кидалась на каждого встречного в подсознательной надежде отщипнуть от него кусочек мяса. Так или иначе, но обеденная курица не принесла долгосрочного насыщения. Ко времени ужина желудок девушки, словно виртуозно настроенный инструмент, исполнил столько хардрокковских мотивов, что их хватило бы для записи полноценного студийного альбома. Зная, что диеты ей противопоказаны во имя спокойствия туристов, девушка проигнорировала просьбу Сульгюн и ровно в пять вечера – к открытию – метнулась в столовую, не обращая внимания на снующих по Бутиковому раю туристов.

Там ее уже поджидали заполненные проголодавшимися работниками столы и бонусом – знакомая шумная компания. Кальянщик Гасан, фанат спорта Ахмет и пошляк Саша обсуждали проигрыш турецкой женской сборной по волейболу, каждый со своей колокольни. Гасана беспокоил проигрыш, Ахмета – волейбол, а Сашу – прелести игроков. Присоединившуюся Лизу – реванш в испорченном за обедом аппетите. Разум бормотал, что лучше бы сделать это с глазу на глаз с «любимым боссом», но дамское нетерпение втыкало острую шпильку в пятую точку девушки: «Сейчас! Сделай это немедленно!» Устав от его подначиваний, Лиза наклонилась к патрону:

– Директруня, у меня для тебя препоганая новость. Курица сегодня не только древняя. Она, судя по запаху, юные годы провела в одном хлеву с поросятами.

²⁴ Турецкое блюдо. Мясо на вертикальной шпажке обжаривается со всех сторон, нарезается на тоненькие лоскутки. Подается с овощами в лаваше или хлебе.

²⁵ Мелкая разменная монета, 1/100 турецкой лиры.

– Да ты что! Дорогой шеф-повар нас сегодня балует, – не растерялся Саша, засунув в рот сразу половину куска курицы. – Глядишь, завтра сушеную саранчу или копченого червя подаст.

Вилка выпала из рук Гасана.

– Ну вы и твари, текстильщики. Я с вами за один стол больше не сяду.

Саша пожал плечами:

– Как хочешь. Помни лишь, что с нами интересно.

– Только таким же мразям, как вы.

Не успевшая унять желудочные трели, а потому натянувшая маску мигеры Лиза не была готова к столь изощренной грубости человека, не отличавшегося брезгливостью.

– Нечего нам хамить, – неожиданно для себя рывкнула она.

Дело принимало серьезный оборот. Азербайджанец Гасан, горячая кровь, не привык, чтобы его затыкали. И кто – «русская малолетка, шлюха, прикидывающая девственницей, воротящая нос от мужчин, желанных тысячами русских баб», как он потом вместе с каплями слюны выплевывал Юсуфу.

– Ты бы, мразь, помолчала, если проблем не хочешь. Я таких как ты сотнями за сезон давлю. Твои защитнички, перед которыми ты ноги раздвигаешь, тебе не помогут.

Словно не слыша ссоры, Саша невозмутимо отбросил куриную кость на свободную часть подноса. Ахмет сосредоточенно жевал, не поднимая взгляда от испещренного засохшими пятнами стола.

– Ты отлично знаешь, что ни с кем я не гуляю, Гасан.

– Знаю я таких шалав-тихошек. Днем она ангел, а выйди вечером в город – то с одним целуется, то у другого на коленях расслаивает.

Губы девушки побледнели. Ноготки в напряженно сжатых кулаках впились в кожу, но Лиза не заметила боли. Так, быстро опустить шлюзы перед с ревом мчащейся к выходу обидой.

– Брейк, – вмешательство Саши поставило их перепалку на паузу. – Никогда не спорь с бабами, брат, если не хочешь, чтобы яйца высохли раньше срока.

Стук стакана перед подносом Лизы осколком разорвавшейся мины резанул слух.

– Ты за этот ужин ответишь, тварь. Кемер город крохотный, сочтемся. А тебе, брат, приятно подавиться. Ахмет, увидимся.

Лиза едва удержала руку, тянущуюся к стакану. Запустить бы им в жировые складки Гасана. А еще лучше – в голову. Может, это вобьет в него хотя бы зачатки культуры обращения с девушками.

Саша дожевывал маринованую капусту. Между бровями залегла глубокая складка.

– Ему тоже успела отказать? – заметил он. – И автоматом попала в черный список. Гасан не из тех, кто адекватно воспринимает слово «нет». Считает его личным оскорблением, – пухлыми пальцами устало разгладил лоб, поднялся из-за стола. – Слышала поговорку: «Не тронь говно, вонять не будет»? Если хочешь спокойно доработать до конца сезона, эта фраза должна стать твоим жизненным кредо. Поняла?

Лиза с трудом сдерживала слезы. Обида – замок на калитке сердца. Но как не выбрать тот, что побольше? Ни Саша, ни Ахмет – «братья» – не вступились за нее, не поставили взбесившегося Гасана на место. Конечно, Лиза сама виновата, накинулась на мужчину. На помощь сурового Ахмета Лиза и не рассчитывала, но Саша, добровольно вызвавшийся нести ответственность за безопасность своей помощницы, Саша, с его чувством юмора и умением сглаживать острые углы, мог бы тактично замять ситуацию. А он... Брейк...

Значит, все так называемые защитники – лишь иллюзия. На самом деле Лиза одна в этой стране. Не поможет никто, если это идет вразрез с главными ценностями, ради которых были покинута родина – деньгами, бизнесом, мужской солидарностью. Все это, выходит, выше братства. Наверное, это нормально. Враги не нужны никому. Всем детей кормить и делать

запасы на зиму, а сезон короткий... Что же... Остается усвоить урок и, замурав в шкатулку с надписью «доверчивость», спрятать ее в самый дальний уголок своей души.

Интересно только, угроза Гасана – это попытка сохранить иллюзию мужского достоинства, оставив последнее слово за собой, или начиненная ошметкам оскорбленного самолюбия взрывчатка?

В привычном Лизе мире любая ссора умиралась искренним «Прости меня, пожалуйста». Но Гасан – цветок другой культуры, в которой женское «мне жаль» может быть пустым звуком. Ей, Лизе, пора усвоить: она не дома. Это значит, что дьявол таится в деталях и то, что для русского – вкусная кашка, для представителя другой национальности может быть вонючей кашкой. Личной охраной Лизы должны стать внимательность и любознательность, а не братья.

Человечество научилось делать необыкновенные вещи. Создает из растений ткани, выжигает пламя из ничего, делает деньги из воздуха. Почему же все еще недоступна функция «прислать вестника из будущего»? Прибывает он к человеку, а в руках – USB с записанной короткометражкой о том, к каким последствиям приведет тот или иной поступок. После просмотра – деловое предложение: «Отменить?» Встреть Лиза такого гонца, она не была бы так спокойна и сделала бы все, чтобы наладить отношения с Гасаном.

*

– Я должна предстать перед любимым как королева! – заявила Нилюфер, появляясь на крыльце лоджии перед уставшими от бесконечности ее сборов подругами. Огонь жизни разгорался в ее глазах каждый день ровно в 22.00, аккуратно после закрытия магазина. – Сегодня мой вечер, кулемы! Лимузины в этом городишке не найти, поэтому поедем на электромобилях. Рыжая, ты только космы в косу заплети, а то будут развеваться как пламя, придется нам еще от пожарных убежать.

Подустав от грубости Нилюфер, Сульгюн закатила глаза, но Лиза, пропустив последнее замечание подруги мимо ушей, захлопала в ладоши. Покататься на электромобиле – работающем от аккумулятора самокате – она хотела уже давно.

– Нас ждет вечер исполнения желаний! Я превращусь в Шумахера, Ниля встретится со своим неприступным, а ты, Сули, попробуешь наконец-то турецкую вкуснятину.

– С удовольствием, я сегодня, как и планировала, без ужина. И тебе не надо было туда ходить, Лиза.

– Так ты знала, что мы с Гасаном...?!

– Я чувствовала, что произойдет что-то, что огорчит тебя, – Сульгюн неторопливо, как и все, что она делала, вернула выбившийся край простой белой футболки обратно в джинсы. – Предугадывая следующий вопрос, отвечаю: ты бы поверила мне? Нам всем хочется учиться только на собственном опыте, такова женская природа. Поэтому и Нилюфер вместо того, чтобы слушать нас и переключить внимание на достойных мужчин, как заведенная утка несется к своему пустосердцу.

– Здравсьте, баба Настя! Мы кажется, рыжую обсуждали? Вот и не переводи тему, деревенская, у меня тоже есть, что сказать. Гасану крупно повезло, что в момент спора рядом не было меня. Иначе не шатался бы сейчас с туристками, а прятался дома с выбитым глазом и откушенным достоинством. Ишь, повадился, на девушек голос повышает. Знает, что Лиза одна здесь, заступиться некому. Не тут-то было, я за тебя, косматая, кому и что хочешь вырву.

Что важнее в чужой стране: дружба или любовь?

Сами того не зная, девушки готовились вступить в период жизни, приготовивший ответ на этот каверзный вопрос, не суливший выигрыша ни одной из сторон.

– Ниля, гарсон ждет тебя? – поинтересовалась Лиза, глядя на вышагивающую словно цапля Нилюфер. От ложмана до пункта проката электромобилей было минут пять неспешной ходьбы, и «королева» соизволила обойтись без такси.

Услышав вопрос, Нилюфер помрачнела. Достала из кофейного клатча телефон, набрала номер, включила громкую связь. Через пару гудков появилась многообещающая секундная тишина.

– Занят, перезвоню, – глухой мужской голос вытеснили противные гудки.

Под их аккомпанемент в огромных глазах Нилюфер собрались тучи.

– На работу собирается, – тем не менее беспечно отозвалась она. – Так даже лучше. Обожаю делать сюрпризы.

Тяжело проявлять инициативу, если не встречаешь в глазах любимого своего отражения. Раз, другой, третий – и разочарование гирями повисает на руках, лишая их силы, а тебя – веры. Равняя с землей, топя в отчаянии. Но и отступить нельзя. Гордо подняв голову, упорно ползешь до натянутой поперек жизненного пути красной ленточки. На ней – накорябанное золотистыми буквами короткое слово. Только какое, «победа» или «жаль»?

Как и большинство заведений, предназначенных для туристов, агентство по прокату техники располагалось под открытым небом. Непосредственно автопарк был прикрыт тонким слоем брезента – и от дождя, и от солнца, и от птичьих подарков. Несмотря на поздний час представители агентства рьяно, как и днем, зазывали потенциальных клиентов.

– Девушки, это опять вы! Недели три уже здесь живете, пора и честь знать, – подкололи они приближающуюся троицу. – Освобождайте место для новых туристов, вас дома коты и неоплаченные счета заждались.

– Мы вообще-то не туристки, аби, – обиделась Нилюфер. – Мы деньги тебе несли, на электромобилях покататься хотели, но после такого приветствия мы, пожалуй, лучше зайдем к твоим конкурентам.

– То-то я думаю, у вас лица такие одухотворенные, нетуристические, – резко сменил песню курчавый длинноносый распорядитель техникой. – Проходите, гости дорогие, деньгам мы всегда рады. Электромобили, говоришь, желаете? Есть, как раз три штуки для вас осталось.

– Сначала скидку хотим.

– Договоримся, – сотрудник агентства опешил от наглости разряженной словно пальма во льдах месхетинки. – Вы кататься-то умеете?

– Сел да поехал, что там уметь.

– Так, красавицы, учимся, если хотите проснуться дома, а не в госпитале или морге, – вздохнул кудрявчик, подводя их ко ждущим своего часа электромобилям. – Все как в жизни. Справа ручка газа, ее поворачиваете нежно, как мужчину ласкаете, смотрите, вот так. Это тормоз, тоже часть мужчины. Это седло для сидения, широкое, подходит всем, – быстрый взгляд на достоинства Нилюфер. – Ездить аккуратно и только по проезжей части. Туристов не давить, особенно тех, кто у нас еще технику в аренду не брал. Час проката стоит 10 евро с человека, но если она, – кудряш показал на Лизу, – согласится завтра вечером выпить со мной кофе, с каждой из вас по 10 лир за час. Только потому, что вы не туристки.

– Аби, до чего потрясающая у тебя рубашка! – логично восхитилась Нилюфер. – Ты, аби, уже зрелый состоявшийся мужчина, у тебя наверняка поклонниц хоть отбавляй, зачем тебе эта рыжая мандавошка? – пропела она, протягивая ему 90 лир. – Нам на три часа, пожалуйста.

Лесть сработала мгновенно, как и всякий раз, когда за стол переговоров усаживалась Нилюфер, и через пару минут девушки знакомились с своими электрическими пони.

– Хорррош, – восхитилась Нилюфер, оседлав своего коня, для чего ей пришлось завернуть платье выше колен. – По газам, кулемы, меня ждет любовь! И, возможно, обручальное колечко.

Драгоцен... любви ей хотелось сильно, поэтому она рванула вперед, не дожидаясь подруг. Сульгюн не осталась в долгу и уже через пару секунд догнала умчавшуюся амазонку. Лишь Лиза нерешительно глядела на своего питомца. Иметь дел с транспортным средством сложнее велосипеда ей не доводилось, но это не казалось проблемой. Подумаешь, вместо педалей – газ, а вместо медленных пешеходов – машины, еще проще и удобнее, привыкнуть только нужно.

Лиза погладила ручку газа, привыкая к ее толщине и текстуре. Перекрестилась. Медленно повернула ключ зажигания. Дождалась мигания огней на приборной панели. Еще раз перекрестилась. Крутанула ручку газа – слишком резко – и... пулей вылетела на проезжую часть, навстречу мчащемуся BMW.

Сотрудники турагентства ахнули.

– Молодая еще, – констатировал кудряш. – Интересно, у нее мужчина когда-нибудь был? Попробовала бы она его *так* приласкать...

Бааам! – отголосок неизбежного столкновения.

Женский вскрик.

Ужас в десятках пар глаз развернувшихся к трагедии прохожих.

Невольно вырвавшийся стон облегчения.

Повезло. Оба водителя среагировали правильно. BMW, грубо просигналив, успел свернуть на газон, разделяющий проезжую часть, и объехать так же резко тормозившую Лизу. Электромобиль занесло, Лиза потеряла управление. Резкий хлопок – и мир стал черной тучей, поглотившей девушку. Еще хлопок – и она корчилась в дорожной пыли в тщетной попытке вылезти из-под электромобиля.

Поток машин, притормаживая, по газону объезжал распластанную на проезжей части девушку. Неравнодушные сочувствующе нажимали на клаксон.

– Ты в порядке, Лиз? Все цело?! – закудахтали примчавшиеся на шум подруги, скидывая с нее злополучный агрегат.

На ноге распустились огромные синяки. На коленке красовалась кровоточащая ссадина. Короткая красная юбка, не предназначенная для публичных падений, покрылась пылью. Постанывая, Лиза поднялась и побрела на тротуар.

Почувствовав, что долгожданная встреча с любимым на грани отмены, Нилюфер поспешила перехватить инициативу.

– Сули, не ожидала от тебя шумахерства. Значит, тебе и везти рыжую в кафе. Слышишь, кулема, становись на подножку за сиденьем, пассажиром будешь.

– Да, Лиз, давай ко мне. Я с детства сено с поля возила. На тракторе. Так что уж с таким крохой справлюсь даже с пассажиром.

– Может, забрать у них мобили? – услышав откровение девушки, перепугался напарник длинноносого. – Как пить дать, убьются, а нам потом отвечать.

– Деньги они заплатили, остальное нас не касается, – флегматично отозвался кудряш. – Умрут – умрут, трема русскоговорящими в Кемере меньше будет.

– Здрасьте, баба Настя! Ох, шевелись, рыжая, живо на подножку! – прошипела Нилюфер. – Если мы без транспорта останемся, ты меня на своей спине повезешь!

Возмущение эгоизмом подруги, угасшее от пережитого, вскинуло последний язычок пламени и превратилось в золу. Лиза устало выставила перед собой изящную ладошку с аккуратным, украшенным стразами маникюром.

– Цыц. Или я еду на отдельном пони, или иду домой.

– Делай, что хочешь, только живо, косматая, живо.

«Прокатиться с ветерком», как в начале вечера наивно загадала Нилюфер, не получилось. Напуганная первым неудачным опытом Лиза тащилась с черепашьей скоростью, вызывая потоки брани со стороны экспрессивной подруги. Нилюфер и Сули, чувствовавшие себя на электромобилях так же уверенно, как на ногах по земле, укатывали далеко вперед. Затем воз-

вращались, чтобы неугомонная Нилюфер дала очередной нравственный пинок Лизе, не укладывавшейся в ее рамки представлений о поездке на электромобиле.

– Руль крепче держи, чего он у тебя трясется, словно вымя у дойки? – возмущалась она. – И скорости добавь, скорости! Тебя бы и трехлетний малыш на своем драндулете обогнал.

Но Лиза не слушала ее возмущения. Все внимание было сосредоточенно на управлении начавшим поддаваться ее командам пони. Руль, а вместе с ним и электромобиль, – о чудо! – стал поворачиваться туда, куда направляла его Лиза, а не по одному ему известной траектории. Ручки газа и тормоза перестали постоянно меняться местами. На скорости MEDIUM²⁶, как оказалось, можно ехать без риска соединиться с первой же вставшей на пути машиной, деревом или бредущим по проезжей части туристом. По закону подлости, как только Лиза освоилась на скорости MEDIUM, ей вновь пришлось подружиться со SLOW²⁷.

Соскучившаяся по возлюбленному Нилюфер выбрала самый короткий путь к его кафе. Увы, он же оказался и самым плохо освещенным, самым оживленным и самым шумным, ибо был единственной дорогой, по которой можно было попасть в расположенные по соседству друг с другом ночные клубы. Сейчас, в начале двенадцатого, со всех концов Кемера по ней стекались сотни желающих повеселиться. В это время понятия «проезжая часть» и «тротуар» переставали быть отдельными единицами и становились просто «плоскостью, по которой можно попасть в тунс-тунс».

– Чертова Нилюфер, не могла выбрать дорогу побезлюднее! – выругалась Лиза, вынужденная притормозить снова, на сей раз – перед горланящим «Катюшу» туристом. – К черту все, брошу пони, порождение дьявола, и оставшийся до кафе километр скоротаю по старинке, на своих двоих. Быстрее будет.

Наконец, после получаса мытарств вдали засветились долгожданные синие буквы над просторным кафе: «Relaks²⁸». Заведение, как и большинство его кемерских собратьев, располагалось под открытым небом. Но в отличие от них оно привлекало не только покрытой шелковистой травой территорией, юркими официантами и доносящимся с моря духом свободы, но и сладковато-терпким ароматом, струящимся из раскуренных кальянов. Набитые мелким песком пуфики мгновенно принимали очертания приземлявшихся на них тел гостей, передавая им частичку своей безмятежности.

Подруги уже грызли услужливо поднесенные официантом орешки за ближним к барной стойке столиком. Их электромобили, аккуратно припаркованные у тротуара, лучились гордостью за своих временных хозяек. Бросив свой агрегат около сливного стока, Лиза устало плюхнулась на свободный пуфик.

– Уфф, не верю, что я доехала. Теперь я точно знаю, сколько в моем теле мышц, и все они в ужасе от пережитого. Сули, посмотри на мои пальцы! – Лиза выставила вперед ладони, кончики которых стали цвета безмятежного июльского неба. – Они не гнутся!

– Хватит ныть, косматая. Побереги силы.

– Где твой принц, Нилюфер? Иди помилуйся с ним скорее, нам еще два часа обратно ехать, – продолжала брюзжать Лиза.

Томным куполом накрывавшая кафе романтическая мелодия не в силах была отвлечь девушек от гложущих их чувств.

– Здрасьте, баба Настя! Во-первых, ты Сули ужин обещала, глянь, она от предвкушения уже слюной стол закапала. Мы заказали по донеру, на тебя тоже. А во-вторых... – Нилюфер помялась. – Не берет он трубку. Занят, наверное. Места себе не находит от радости, не терпит увидеть меня. Но работа мешает, чтоб ее...

²⁶ Средняя (англ.).

²⁷ Медленная (англ.).

²⁸ Расслабление (тур.).

Лиза оглядела кафе. Только они и пара пожилых европейцев с кальяном скрашивали его одиночество.

– Ты права, подруга. Работа, не иначе...

Патриотично одетый в красную футболку с полумесяцем и звездой официант с задорно торчащим вихром-антенной подскочил к их столику, щелкнув по щеке Нилюфер.

– Как дела, сестренка?

– Отлично, аби, – расцвела та. – Сам как?

Подмигнув, заменил опустевшую вазочку с орешками на новую, без видимого дна, расставил на столе поллитровые бокалы с пивом.

– С алкоголем в крови раны быстрее заживают, – пояснила Нилюфер, заметив недоуменный взгляд Лизы. – Тебе полезно.

– С ума сошла?! Я и трезвая несколько раз чуть под колеса не угодила и пару туристов по асфальту не раскатала!

– Он врачует не столько физические раны, Лиз, – обронила Сульгюн. – *Кому-то* сегодня это будет полезно.

– Ты на что намекаешь, деревенская? Да такой роман как у меня в реальности, тебе даже в самом фантазийном сне не приснится!

– Упаси Аллах.

– То, что ты видишь, – стечение обстоятельств, не более того. Такое чувство, как есть между нами, исчезнуть не может. Знаешь, как все было? Месяц назад познакомились мы на этом самом месте. Любовь с первого взгляда, как в кино, слышишь, деревенская. Любимый звонил мне каждый час и днем, и ночью, просто чтобы узнать как у меня дела, – гортензии, склонив головки, наблюдали за сестрами, распускающимися в голосе девушки. – Вечером, каждый вечер, Сули, я приходила в это кафе. Любимый ни на шаг от меня не отходил, мороженым, орешками угощал, все не мог насытиться ароматом моих духов. Свидетелем скольких засосов стал этот стол, вы не представляете, кулемы. Как он со стыда в пепел не превратился, ума не приложу.

– Стойкий деревянный столик, – пробормотала Лиза, скептицизмом маскируя злость на подругу. Каким бы булыжником расколотить ее розовые очки? Как заставить взглянуть в глаза очевидному? Или пустить на самотек, доверив мудрой жизни самой расставить фигуры на отведенные им места на шахматном столе?

– В любви мне признавался, – взгляд Нилюфер был устремлен в небо, где едва родившийся месяц играл на виолончели звезд слышный лишь ей марш Мендельсона. – Такой как ты, говорит, еще не встречал. В нашей культуре так не принято, но я решилась. Пора расставаться с девственностью. Ради будущих детей.

С пуфика Сульгюн раздался булькающий звук и вслед за ним кашель и постукивания кулачком по груди.

– С ума сошла. Чтобы выжить, всем теплокровным на этой планете необходимо одно и то же, Нилюфер: тепло и свет, а не секс. Когда внутри тебя нежно светит фонарик, мужчины слетаются на него, как мотыльки. Чем он ярче, тем больше поклонников он способен собрать, – ласково, но твердо сжав ее ладонь, Сульгюн намеренно задела кровоточащую тему. – Если же фонарик потушен, ты сама становишься жадным до света, требующим мотылем. Звонишь мужчине сто раз в день, сама, не обращая внимания на пощечины его пренебрежения. Вновь и вновь стремишься туда, где тебе уже не рады. Быть мотылем для девушки равно самоубийству, Нилюфер. Неужели мама родила тебя для этого, скажи?

– Я бабочка, а не мотыль, деревенская. Это ты с косматой может и мотыль или вообще навозный жук, а я уже оформившаяся красотка с перламутровыми крыльями. Запомни это, и чтобы больше ерунды от тебя я не слышала.

Не желая портить вечер спорами, Сульгюн спрятала протест меж бусин звезд, изобильно усыпавших небо. Появившаяся за соседним столиком компания, бухнув пивные бокалы на стол, разразилась хохотом. Вытирая выступившие слезы, перебивая друг друга, они принялись шумно комментировать только что осмеянное.

– Сразу видно – туристы. Ни грамма приличия, – Нилюфер изумленно приподняла брови и уже открыла рот, чтобы сообщить бесстыдникам о кузькиной матери, но распахнувшаяся дверь подсобного помещения перечеркнула ее планы. Из подсобки появились два гориллоподобных турка. Стильные рубашки, вытертые джинсы, модная борода. Слегка навеселе, закурили, переговариваясь с барменом, от безделья протираяющим барную стойку.

– Любимый! – подскочила Нилюфер.

Услышав ее, один из турков тут же затушил сигарету. Махнул небрежно в знак приветствия.

– Привет, не знал, что ты здесь. Жаль, что не сможем поговорить, мне нужно срочно уехать по делам, – нервно прохлопал карманы узких джинс в поисках ключей от машины. – Подождешь пару часов, малыш? Вернусь – пообщаемся. Договорились? – сухо бросил он и, не дожидаясь ответа, запрыгнул в припаркованный напротив входа в кафе мерседес.

Не подошел. Не обнял. Не спросил, как дела.

До чего это здорово – отыскать свою половинку.

Вот и он, снайпер для розовых очков. Один выстрел – мириады осколков.

Образовавшаяся между журчащими из динамиков мелодиями пауза втиснулась в минутную тишину девичьего мира.

«Мы рядом с тобой, Нилюфер».

Тот же официант в патриотичной футболке разлил по кружкам не к месту игриво пенящийся Efes²⁹. Поставил перед каждой из подруг тарелку с донером.

– Что это? – Сульгюн в ужасе глядела на принесенное блюдо, по размерам и форме напоминавшее отрезок водопроводной трубы.

– Это вкусно, – подбодрила Лиза. – Это как роллы, только вместо водорослей – лаваш, а вместо риса и лосося – зелень, помидоры и особым образом приготовленное куриное филе. Откусывай смелее.

Донер удался на славу. Сочный, с точно отмеренной порцией соуса, с обжаренным до хрустящей корочки лавашом, он источал букет тончайших ароматов. Сульгюн ела как кошка, мурча от удовольствия и время от времени облизывая пальцы.

Затянутая тиной сочувствия, Лиза не замечала вкуса любимого блюда. Страшно разочаровываться в тех, на ком был сконцентрирован твой мир, о ком пело сердце и чирикали мечты. Какие слова способны поддержать Нилюфер? Чем уменьшить ее боль?

Вопреки обыкновению, Нилюфер не ворчала на пере- или недожаренность курицы, недостаточную свежесть помидор и добавленную в лаваш чрезмерную или мелковатую порцию соуса. Просто ела, выковыривая из донера длинными ногтями крошку петрушки.

– Хорош он все-таки, правда, девочки? – не выдержав тишины, нарушила молчание она.

– Кто?! Обезьянообразный?

– Дура ты, рыжая! Тебе, небось, сладкие мальчики нравятся, да? Такие, чтоб сироп в каждом взгляде? Тьфу. Я поклонник дерзкой красоты. Чтоб на контрасте. Чтобы безбашенность в чаше брови, чтобы вызов в носогубной складке. Вот только... почему он так со мной? Я же для него на все готова. Душу перед ним наизнанку вытряхнула...

– Есть люди, которые не пускают тебя в свое сердце, как ни старайся, – умиротворением голоса Сульгюн вмиг погасила запыхавший было в подруге костер гнева. – Ты думаешь, что нужно лишь подстроиться под него – и он откроет для тебя сокровищницу своей души. Но нет.

²⁹ Марка турецкого пива.

Происходит обратное. С такими сама становишься поверхностной. Чужой себе. Смеешься, не задумываясь об истинных эмоциях, которые испытываешь в этот момент. Теряешь радость жизни. Это страшные люди, от которых нужно бежать без оглядки, пока они не затащили тебя на дно своего болота. Я слишком хорошо знаю, о чем говорю, Ниля.

– Отстань, деревеская. Ты, тепличное растение, не представляешь, каково мне сейчас. Я потеряла всех самых близких. Еще одной утраты мне не пережить.

– Ты думаешь, нас троих объединяет работа в одном отеле? Как бы ни так. Потеря – плата каждой из нас за то, что мы здесь. Именно поэтому мы нуждаемся друг в друге. Я потеряла возможность быть с детьми, обнимать их. На родине осталась вся моя жизнь. Лиза потеряла семью, друзей, привычную любимую жизнь. Любая потеря – это глубокая душевная рана, Нилюфер. Ее не заткнуть, не зашить, не заклеить. Можно только быть с ней рядом и смотреть на нее с любовью. Дать ей время. Научиться жить с ней и научиться быть при этом счастливой.

Пряча взгляд, Нилюфер быстро доела донер, залпом допила пиво, кинула салфетку на стол.

– Пора домой, кулемы. Завтра рано вставать. Снова исполнять желания тех, кто сам не знает, чего хочет. Хоть бы раз пришел кто-нибудь и исполнил *мое* желание...

На обратном пути она ни разу не отругала Лизу за медлительность. Просто ехала с ней рядом, пряча за пеленой дождя в глазах пустоту.

Усталость и тоска – отличное снотворное. Сбыв с рук электромобили, девушки поспешили домой, мечтая об уютных объятиях одеяла. Пустынные улочки встречали их дремлющими цикадами, убаюканными акациями и тузовыми деревьями. Только остроносый месяц, вечный защитник одиноких путников, освещал дорогу безусловной любовью.

– Спокойной ночи, – у ложмана прошептала Лиза, отодвигая назойливо цепляющие юбку колючки репейника. Попрощавшись в ответ, ее подруги потрусили к себе, но замерли, остановленные грозным окриком с балкона дома, где жила Лиза.

– Стоять! Явились дЕвицы красные, хорошо хоть затемно. Живо все в дом, объясняться будете.

– Мы попали, кулемы, – в глазах Нилюфер мелькнул ужас. – Всем уже не спастись, но ты, Лиза, можешь взять удар на себя. Твое же начальство, пусть на тебя и кричит.

– Что ты как нашкодивший гусенок, Ниля? Саша – наш общий брат. Учись отвечать за свои поступки. Легче с мужем уживешься.

В полутемной гостиной, под приглушенный храп Ахмета, доносящийся из его комнаты на первом этаже, подруги выстроились в линейку, как на допросе. Изучали доски пола так внимательно, будто от этого зависела их судьба.

– Опять, скажете, на море были? – вышагивавший перед разномастной шеренгой Саша с подозрением оглядел подруг и, конечно, заметил синяки на ногах Лизы. – На море, значит?? Это оно тебя так приласкало??

– Это я с электромобили упала, на курицу с цыплятами засмотрелась, директруня, – Лиза умела успокаивать разбушевавшегося патрона: взгляд кота из «Шрека» в сочетании с ее виноватой улыбкой шлейфом прикрывал агрессию собеседника. – Синяки – не страшно, заживут. Мои коленки еще и не к такому привыкли. Я же в детстве с мальчишками в футбол играла.

– Узнаю, что с мужчинами шляется – неделю сидеть не сможете, – пробурчал утихомирившийся Саша. – Обещаю. Сейчас марш спать. Чтоб завтра как огурчики были. Только попробуйте не сделать кассу в пять тысяч долларов каждая.

Подруги метнулись врассыпную. Покачав головой, Саша погасил свет и, тяжело ступая, по скрипучей лестнице поднялся в свою комнату, сопровождаемый коктейлем из гортензий, солнечных фруктов и морской свежести. Немыслимым букетом, судящим ему новые тревоги.

Глава 4

Проникновенный зов имама, кукареканье, рассерженный лай, нервное мяуканье. На первый взгляд, обычное утро. Но, не успев открыть глаза, Лиза поняла: особое. Похоже, пришла расплата за полуторамесячную занятость и 4-5 часовой сон. Тело взбунтовалось. Руки, ноги, голова и остальные части отказывались соединяться в общий организм. Оптимизм присоединился к революции, оставив на посту своего зама – равнодушие. Что же, бывает у каждого. Когда не замечаешь еще вчера любимое. Когда нет дела до чужих проблем, как, впрочем, и радостей. Но это нормально. Это пройдет. Нужно лишь переждать. Душе, как и телу, нужен отдых.

Холодная вода передала девушке часть своей бодрости, примостив руки и ноги к телу. Уже лучше. Горячий кофе в отеле довершит процедуру объединения.

Как там Нилюфер?

Нога, накануне принявшая на себя тяжесть электромобиля, была похожа на вражескую территорию после налета захватчиков. Печальное зрелище, невыносимое слабонервными. Ничего, одеждой спасем их хрупкую психику.

Что принесет этот день?

После чашки кофе – только чудесное.

И для Нилюфер?

Дожди наконец-то раскланялись до октября, уступив небосклон для соло солнца. Оно старалось вовсю, стремясь оправдать ожидания туристов, и уже в 9 утра воздух прогрелся градусов до 25.

Наверняка Нилюфер не замечает прелести нынешнего утра.

В Бутиковом раю скучающий персонал вяло перебрасывался впечатлениями о прошедшем вечере, словно не было всего в нескольких десятках метров от них манящей лазури моря, брызг, масок для подводного плавания и надувных матрасов, обжигающих досок пирса и запотевших бокалов колы со льдом.

Наскоро расставив перед магазином семью манекенов в пижамах, Лиза приготовила две чашки кофе и метнулась в сувенирный. Там – знакомая картина: подруга и Ахмет, уставившись в экраны телефонов, вели жизнь шпионов, изучая новости и сплетни. Нилюфер – звезд, Ахмет – своих многочисленных подружек с разных континентов. Ашкымов.

– Я удалила его номер, – подняла на нее опухшие глаза Нилюфер. – И все сообщения.

Лиза обняла подругу за плечи. Вопросы были лишними. Темные круги под глазами, лишь расчесанные, а не уложенные как обычно в прическу волосы и отсутствие макияжа стали болтливыми доносчиками, выдавшими состояние своей хозяйки.

– По версии моей тетки, Кемеру полагалось воскресить меня. А он втаптывает меня в землю все сильнее, косматая. Я не понимаю ни этот город, ни тех, кого встречаю здесь. Даже возле бабушки, завернутой в саван, я не чувствовала себя настолько одинокой и чужой.

Голос перебравшейся в текстильный Нилюфер, хриплый, не переливающийся, как бывало, десятками эмоциональных оттенков, едва слышно дрожал. Слова текли медленно, словно по миллиметру пробивали себе дорогу в скале отчаяния

– Аллах дал мне дар торговца. Я продаю безделушки вроде магнитов и оливковой косметики так дорого, что даже Ахмет разевает рот от удивления. Для чего я стараюсь? Кто восхитится этим? Страшно, когда рядом нет никого, кто разделит бы мою радость. Эти туристы... Я их ненавижу. Придут, перещупают все, что не убрано на верхнюю полку, расспросят о картинке на каждом магните, о каждом дервише³⁰, о каждом назаре. Полчаса на них потратишь,

³⁰ Монахи, следующие по пути суфизма. Грубо: кружащиеся мужчины в платьях.

а они идут в город и покупают там на полдоллара дешевле. И турки... Нормальные мужчины не поступают так, как они. Вчерашнее безразличие моего... просто гарсона – как нож в спину. Разве можно так обращаться с той, чьи глаза светятся от любви к тебе?

Правда, на ком ответственность за случившееся? На мужчине, инициировавшем сближение и, сразу не получив желаемое, потерявшем интерес? На Нилюфер, одержимой идеей «и жили они долго и счастливо, и умерли в один день» и не замечающей реальности?

– Я просто хочу любить, косматая. Чувствовать себя драгоценностью в объятиях важного мне человека, а не пустой безделушкой, которую через неделю он, не задумываясь, вышвырнет из своей жизни. В Кемере это невозможно, да? Я слишком о многом прошу?

Лиза молчала, помешивая еще дымящийся кофе. В ее глазах застыла тоска прошлого сезона. Зимой девушке казалось, что ей удалось, простив обидчика, освободить сердце от камня, не дающего вдохнуть полной грудью, охлаждающего даже при включенном на +35 обогревателе. Неужели и это было враньем, защитным самообманом, изоциренной его формой. Чертов «коллекционер»...

– Каждый новый мужчина лучше предыдущего, Нилюфер. Встретишь ты еще того, кто заставит тебя улыбаться, даже не сомневайся.

– И не вздумай отчаиваться, – в дверях текстильного бутика неслышно возникла Сульгюн с пустым стаканом. – Сердце без надежды – первый шаг в старость.

– Здрасьте, баба Настя! Еще одна попадья явилась. Все у меня в порядке, ясно вам? Отстаньте со своими проповедями!

Хлопок двери.

Взглядом спросив разрешения, Сульгюн потянулась к банке с кофе.

– Похоже это ее первое серьезное разочарование в мужчинах. Переживет?

– Поможем, – Сульгюн насыпала в стакан кофе с краешка ложки. Смущенно взглянула на Лизу: можно еще? Увлажнившимися глазами наблюдала, как подруга щедро заполняет ее стакан коричневым порошком, дополняет белым, сдабривает молоком.

– Спасибо тебе, Лиза. Знаешь, несмотря на тоску по детям, я рада, что приехала в Кемер. Этот город показывает мне другую жизнь, о которой я и мечтать не смела. Открытую, полную удовольствий даже в мелочах. Здесь мне не нужно соответствовать ничьим ожиданиям. Теперь я лучше понимаю тебя.

– Кемер как заботливый брат, каждому дарит именно то, в чем тот нуждается больше всего.

– Нилюфер лучше Аллаха знает, что именно ей нужно, – улыбка, все еще редкое явление на четко очерченных полных губах Сульгюн, мелькнула солнцем и, испугавшись своей дерзости, поспешно скрылась. – Это заведомо ложный путь. Но даже на нем каждая прожитая минута – ее победа над болью. Надо почаще рисовать ей сочные картинки будущего, ведь каждому человеку важно во что-то верить. Поможем ей поверить в любовь, иншалла. Пусть встретит своего настоящего ашкыма. Так, кажется, это по-турецки?

– Так. Только ты это откуда знаешь? Ты же с русскоговорящими работаешь.

Сульгюн замялась.

– Так это... Юсуф учит. Он заходит ко мне поболтать, когда туристов нет, маркет же рядом с парикмахерской.

– Юсуф, значит. Встречаетесь? – вопрос острым ножом пристал к горлу девушки.

– Что ты! Он же женат.

Этот город показывает мне другую жизнь, о которой я и мечтать не смела.

Память услужливо предоставила Лизе длинный список вечеров, когда Сульгюн уклонялась от совместных прогулок, якобы спеша в интернет-кафе поболтать с детьми. Уж нет ли у ее «детей» яркого, тщательно зализанного гелем хохолка и искусно выбритой бородки? Внешних признаков влюбленности в Сульгюн не наблюдалось, но если она действительно встречается с

Юсуфом, то проблем и выданных волос не избежать. Кемер – это ларчик, в котором тайное быстро становится явным. Хорошо, если первой о встречах узнает Лиза, а не через десятки языков жена Юсуфа. Неизвестно, как турчанки реагируют на измены мужа. Дай Бог никогда об этом не узнать. Хватит им драм одной Нилюфер.

Но как выяснилось совсем скоро, драмы уже затащили в свой кипящий котел всех трех подруг.

*

Что-то случилось. Лиза поняла это сразу, как только патрон ближе к полудню возник в магазине. Брови нависли над глазами словно крыша. Оставшиеся на голове редкие волосинки стоят торчком. Ноздри раздуваются в такт шумному дыханию.

– Почему у тебя опять манекены целуются? – раздраженно бросил Саша, разглядев слегка повернутые друг к другу куклы. – И сколько раз говорил, не натягивай ты так эту чертову тюль, она же не стринги!

Лиза молча исправила недостатки. Знала уже, что, если влетит со всего размаха в тучу сашиного настроения, попадет в такую турбулентность, что и в конце сезона руки будут трястись. Пройдет не больше часа, зелье в казане гнева патрона перестанет кипеть. Он выпьет пару чашек чая с 6 кусками сахара каждую и сам расскажет о причине миротрясения. Или, если повезет, прямо сейчас в магазин явится виденье из сашиных фантазий, и он забудет обо всем на свете. В любом случае надо немного подождать.

Так и произошло. После первой поллитровки складки на лбу Саши разгладились. Крякнув, он потребовал вторую порцию, после которой подобрел и распахнул сундук с припасенными секретами. С каждым словом патрона глаза Лизы раскрывались все шире, вынуждая ресницы предательски подрагивать.

– Доигралась ты, красотка. Эрхан бея знаешь? – поинтересовался Саша. – Патрон Гасана, владелец 50 кальянных в отелях Кемера, родственник всем на свете, включая министра и депутата. Велел уволить тебя и проследить, чтобы до вечера и духу твоего не было в стране. Иначе он сам этим займется. Сама понимаешь, причину для депорта³¹ нелегала и искать не надо.

Расписанная под гжель кружка выпала из рук Лизы. Жалобно звякнув, раскололась на две почти равные части.

– Говорил я тебе, не связывайся ты с быдлом этим! – грохнул о стол волосатый кулак. – Наш малыш Гасанчик так обиделся на злую русскую тетю, что не преминул пожаловаться начальству. Еще и приврал с три короба, гаденыш. По его словам, ты его ненавидишь за то, что он побрезговал спать с такой шлюхой, как ты. При каждой встрече ты демонстрируешь ему свое пренебрежение и ранишь его хрупкое сердце, – передразнивая Гасана, проканючил Саша. – Ржавым лезвием по мутному стеклу его душонки скребешь, с противным звуком, таким: уиии, уиии.

– Саша, я... – по щекам Лизы против ее воли покатались предательские капли. Как могут люди быть столь мерзкими?

– Знаю. Но и ты знай, что Гасан поставляет Эрхану девчонок. Правая рука его, так сказать. Именно поэтому и чувствует себя всемогущим. В общем, эту историю я замаял, Эрхан меня, слава Аллаху, уважает. Но в будущем чтобы на пушечный выстрел к мальчишке не приближалась, ясно? Еще одна жалоба с его стороны и не видать тебе Турции как человечеству Атлантиды. И не реви. Лучше сделай-ка еще чая, да сахару не жалея.

Всхлипывая, Лиза собрала останки своей кружки, щелкнула включателем чайника и притихла, услышав его умиротворяющее шипение.

³¹ Выселение человека с территории временного (часто незаконного) проживания.

«Дурака не убедишь в том, что он дурак, нечего и стараться», с детства учила ее мама, преподаватель литературы. Еще в школе, когда Лизу задирали хулиганы в отместку за свои двойки, Лиза выбирала уйти. Не позорно сбежать, а гордо удалиться, позволив обидчикам самим разбираться со своей дурью. Прошли годы, а ее подход к ссорам не изменился, стал другим лишь масштаб последствий.

– Если... Если Гасан сам начнет меня задирать?

– Слышал, на него последние дни девчонки не клевали, вот он и злится. Подсуну ему какую-нибудь туристку, пусть сбросит в нее напряжение. Да расслабься ты, Лизунка, все хорошо будет, – смягчился патрон. – Не лезь на рожон, а остальное доверь мне. И Аллаху.

Страшно, когда рядом нет никого, кто разделит бы мою радость.

А еще страшно, когда судьба зависит от настроения психопата. Удача не подкинула ему согласную туристку – пусть мир захлебнется слезами. И плевать ему, что чья-то жизнь полетит к чертям.

Лиза почувствовала себя точкой. Маленькой, никчемной, никому не нужной. Сесть бы сейчас на корточки, закрыться серым пледом, уткнуться нос в колени и заплакать. Горько. Искренне. Как в детстве. Выплакать переполняющую сердце боль, страх и одиночество. Потом встать, откинуть оранжевый плед и, улыбнувшись себе новой, поспешить к своим мечтам.

Но на курорте минуты для себя – недоступная роскошь. Туристы не зайдут, так кто-то из персонала обязательно явится. Поэтому Лиза лишь горделиво приподняла подбородок, передавая каждой клеточке тела импульс: «Королевы не плачут. По крайней мере на работе». Мысленно привязала кончики улыбок к ушам и ощутила, как разочарование тягучей волной медленно отступает в прошлое.

Все будет хорошо.

– Лиза, у тебя отвертка есть? – в дверь магазина просунулся огромный нос Юсуфа. – В ноутбуке муха застряла, надо ее срочно спасать.

Дурдом. Раздражающий особо сильно, когда хочется остаться наедине с мыслями.

С другой стороны, гости прекрасно отвлекают от жизненных неурядиц. Особенно гости-турки. Лиза обожала угощать их чем-нибудь им незнакомым и наблюдать за реакцией, которая обычно была забавной. Гость долго принимался к угощению, пытаясь определить, нет ли в нем молекул свинины. Потом касался кончиком языка. Только после этого съедал весь предлагаемый кусочек, морщил нос и выдавал вердикт: гадость.

Один из туристов на днях подарил Лизе бутылочку облепихового масла, и девушка ждала подходящую жертву для дегустации. Юсуф, которого однажды стошнило от сушеного анчоуса, второй раз из любопытства незнакомое есть не станет. К нему теперь нужен особый подход.

Лиза выдавила из себя подобие улыбки.

– Отвертки нет, Юсуф. Зато туристы принесли особое масло, русскую виагру. Хочешь попробовать?

В глазах Юсуфа зажегся огонек.

– У меня с этим все отлично, – обидевшись, прогнусавил он, но тут же подскочил ближе. – Что, правда помогает?

– В России только им рождаемость и повышаем.

– У меня сейчас подруги нет, что я делать буду, если виагра и правда подействует? Не с женой же... Хотя... Была не была, наливай.

«Если понадобится – Сульгюн в соседнем помещении. Возможно, через пару часов одной тайной в этом отеле станет меньше».

Осторожно приблизил к лицу наполненную до краев чайную ложку. Понюхал. Скривился.

– Пахнет как гадость. Это действительно виагра? На масло от запора похоже.

– пей, не то я сама выпью, не убежишь от меня потом.

Выпил залпом. Похлопал длинными загнутыми ресницами. Не говоря ни слова умчался прочь. Юсуф – человек внушаемый, неужели уже за девчонкой побежал?

Турецкая viagra, как убедилась Лиза, на русских не действует. В прошлом году она привезла брату сувенир – баночку эликсира со статуэткой носато-волосатого мачо с мускулиными особенностями колоссального размера. Возможно, на это и был расчет производителей чудо-средства. Корица и мед, так на вкус определил состав эликсира брат Лизы, произвели на него необычный эффект.

– Съел я ложку твоего подарка, сел на диван рядом с любимой в ожидании бешеной потенции. Минута, вторая, третья... Не торопится, родная. Супруга изъелозилась, ждет-не дождется обещанного сюрприза. Через пять минут мне понадобилось в туалет. Еще через пару минут захотелось пива. До пульсации в висках и синих кругов перед глазами. Слава богу, что магазин во дворе. Кое-как добежал до него, едва дотерпел до кассы, открыл бутылку Балтики, сделал глоток. Оооо дааа, Лизка, в тот момент я узнал, что такое Оргазм.

Тем любопытнее узнать про возможности «русской виагры» для турка.

Долго ждать не пришлось.

– Не знаешь, что с Юсуфом случилось? – таким удивленным патрона Лиза еще не видела. – Проходил я сейчас мимо маркета, мне показалось, что Юсуф мне глазки строит. Обернулся, чтобы удостовериться, что мне это гейство не приснилось, а Юсуф на мою задницу пялится, без сомнений! Чуть не облизывается, подлец!

– Да, она у тебя ничего, но подкачать не мешало бы, – Лиза деликатно сменила тему странного поведения соседа по рабочей зоне. – Делай как я 50 приседаний в день и тоже будешь неотразим, директруня. Тогда на тебя не то что Юсуф, Эрхан бей глаз положит.

– Типун тебе, – возмутился Саша. – Глубоко присесть-то надо? Так нормально? – зачем-то закатав штанины льняных широких штанов, он согнул колени градуса на три. – Раз, два, уф, стар я уже для таких экзекуций. Три, четыре, пять, с красотками буду я гулять. Шесть, семь, восемь, блондинки ко мне милости просим, – под аккомпанемент хохота Лизы старался ее патрон.

Несмотря на то, что губы были растянуты в улыбке, сердце металось в поисках ответа. Что еще удумает Гасан? Оставит ее в покое или будет мстить до победы? Это было сейчас самым важным. И Нилюфер. Оставлять ее одну нельзя. У каждой боли есть предел, после которого может случиться непоправимое. И заранее неизвестно, какое разочарование станет последней каплей: свернувшееся молоко или предательство мужчины. Хоть Нилюфер – хамка и вредина, но любимая подруга. Вечер лучше провести вместе, чтобы она не наделала глупостей.

Похоже, именно на это и была настроена Нилюфер. Иначе почему она, не предупредив ни Лизу, ни Сульгюн, ни даже Ахмета, ушла с работы на час раньше и не отвечает на звонки? С ее экспрессией, чего доброго, наломает дров.

Едва кошка в телефонных часах промурлыкала 10 раз, Лиза кинула в сумку телефон и плитку «Милки», презентованную Юсуфом в благодарность, и поспешила в дом к подругам. Ее мысли, тело, все ее существо стремились сию же секунду оказаться в ложмане, чтобы убедиться, что все в порядке и что она – лишь глупая фантазерка.

Хоть бы Нилюфер была там. И хоть бы она оказалась сильнее, чем боялась Лиза.

Входная дверь распахнута. На крыльце резвилась пара трехцветных котят. Между неплотно сбитых досок порога пробивалась трава. С крыльца не было видно, есть ли свет в комнате подруг, но в гостиной висела темнота. Сердце Лизы заколотилось сильнее.

«Где же девчонки?»

Забыв о ноющем теле, по шаткой деревянной лестнице взлетела на второй этаж, к комнате подруг.

Заветная дверь тоже распахнута. Пол завален мятой одеждой, судя по размеру и пестроте выпотрошенной из чемодана Нилюфер. Что здесь произошло?

– Нилюфер вымещала зло на вещах, – отозвалась на удивление Лизы Сульгюн.

– У вас комната словно после землетрясения, а вы спокойно отдыхаете?! – Лиза не поверила своим глазам. Подруги, одетые в уютные пижамы, поджав под себя ноги, сидели на кровати Нилюфер с бутылками колы в руках и смотрели что-то смешное по телевизору.

– Ага. Мы смотрим что-то мне не понятное и в десятиминутные рекламные паузы я рассказываю нашей королеве как живет женщина в моей деревне, – Сульгюн жестом пригласила гостью присесть на кровать, несмотря на июнь накрытую сине-белым байковым одеялом. – Чтобы она поняла, что Аллах отвел ее от страшного.

– А я ей говорю, что, если она не заткнется, я соберу с пола вещи и первым же рейсом улечу в Стамбул, к тетке, – не дав Лизе раскрыть рта, пробурчала Нилюфер.

Чтобы открытая Нилюфер не желала обсуждать свои горести? Чудеса творит теплая кола.

– Не собирай, – устроившись на кровати, Лиза натянула юбку до стоп, чтобы скрыть синяки. – Завтра уйдешь на работу, мы с Сули сделаем это за тебя и оптом продадим твои вещи автомастерской. Чехлы для машин им всегда нужны. Хоть на этом заработаем, раз в отеле клиенты не очень щедрые.

– Здрасьте, баба Настя. Сговорились вы все сегодня шутить не по-человечески? Начальничек твой пришел вечером в сувенирный, начал демонстрировать Ахмету свои «достижения» в области спорта. Если бы заранее не объявил, что присесть собирается – ни за что бы не поняла, что он именно этим занят. По хрусту костей только догадалась, что что-то происходит.

– Это флирт Юсуфа Сашу вдохновил, – рассмеялась Лиза и пересказала подругам историю с розыгрышем.

– Вот ведь кобели несносные! – от возмущения Нилюфер взвилась на кровати, опрокинув опустевшую, к счастью, бутылку на пол. – Твоего начальничка, косматая, прощаю, оба мы с ним приезжие. А вот Юсуфа кастрировать нужно. Жена под боком, красавица-не красавица, но законная, лично им выбранная, а он все равно по сторонам таращится. Всех бы таких свезла на один остров поближе к Египту и кинула на него снаряд из червей-людоедов

– Чем тебе Египет не угодил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.